

Можно ли решить
дело, если адвокат
клянется и раскрывает
и даже говорит на языке?

Наталья Борохова

Наталья Евгеньевна Борохова
Досье на адвоката
Серия «Адвокатский детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176058
Досье на адвоката: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-30203-1*

Аннотация

Ласковый тон начальника не сулил ничего хорошего. И предчувствия не обманули Елизавету Дубровскую: ее назначили защитником по делу маньяка-душителя по кличке Чулочник. Лиза была в панике. Ее мало прельщала перспектива появиться на страницах газет и телеэкране в качестве адвоката маньяка. «Чулочница» – вот как ее могут прозвать! Родственники погибших девушек закидают молодого адвоката тухлыми яйцами. А сам убийца, вперив в нее безумный взгляд, будет неоднократно душить ее в своих мечтах белыми кружевными чулками... Чулочник оказался молодым человеком приятной наружности. Он клялся, что невиновен, умоляя Лизу доказать это. И ей это удалось! Дубровская нашла свидетелей, подтвердивших алиби ее подзащитного, и добилась его освобождения. А вскоре после этого в городе произошло очередное убийство... Неужели Лиза выпустила на свободу преступника?

Содержание

* * *	4
Спустя месяц...	8
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Наталья Борохова

Досье на адвоката

* * *

Она была явно не в его вкусе. Да и о каком вкусе, впрочем, можно вести речь, если перед тобой девушка облегченного поведения. Конечно, не вокзальная путана (с такими он не связывался), но и не подающая надежд аспирантка. Он подцепил ее в одном из ночных клубов. Закинув ногу на ногу, она тянула через соломинку коктейль и поглядывала на клубящуюся молодежь. Встретившись взглядом с незнакомцем, она призывно улыбнулась, обнажив ряд довольно крупных зубов, и указала на место рядом с собой. Разговор касался всего и ничего конкретно, обычная трепотня по заранее известному сценарию, когда каждая из сторон знает, что хочет получить в итоге.

Они вышли из клуба, когда было уже глубоко за полночь. Покинув залитую радостным рекламным светом улицу, они свернули в переулок. Темнота стала почти непроницаемой, красноречиво свидетельствуя о том, что короткая летняя ночь подходит к концу.

– О, да ты на тачке! – воскликнула девица. – Это все упрощает.

Он открыл дверцу. Девица забралась на переднее сиденье и, воткнув в рот сигарету, задымила. Машина тронулась.

– Кстати, можешь называть меня Стеллой, – заявила она.

Мужчина скривился. Вне всяких сомнений, шлюха. Почему они никогда не представляются Танями, Ленами, Олями, ну на худой конец Фросями? Обязательно Нинель, Сюзанна, Регина, Лола и прочее. Стелла означает «звезда», а это определение вряд ли подходило к невысокой коренастой девице, бесстыдно раскидавшей ноги в полуметре от него. Трикотажная короткая юбка, топ, переливающийся стразами, что-то длинное блестящее в ушах – все говорило о том, что у девицы не все в порядке со вкусом, как, впрочем, и с деньгами. «Сверкает, как сопля на солнце», – неприязненно подумал он. Но воротить нос не пристало. Мужчина чувствовал нарастающее напряжение. Его можно было снять только одним способом...

– Я – студентка, – сообщила девица.

«Врет!» – хмыкнул он про себя.

Машина миновала центр города и понеслась по направлению к одному из спальных районов. Дорога была почти пуста. Многоэтажки темнели равнодушными глазами окон. Люди старались урвать еще несколько часов сна перед тем, как первые солнечные лучи и веселый гомон птиц возвестят о том, что настал новый, крайне утомительный в жару, будний день.

Машина остановилась на пустыре. Девица равнодушно взглянула в окно.

– Стоило ли так далеко ехать? Мы могли бы заняться этим в любом дворе. Ну, котик, что ты предпочитаешь?

Предутренный свет делал ее еще менее привлекательной. Лицо с неаккуратно нанесенным тоном казалось серым и несвежим. Он еще раз с досадой подумал о том, что спешка ни к чему хорошему не приводит. Ну да шут с ней...

– Давай пройдемся, – предложил он.

Девица вовсе не собиралась выходить.

– Эй, – запротестовала она. – Там свежо. Да и одежда может испачкаться. Ты что, возместишь мне все расходы?

Мужчина ничего не ответил. Обойдя машину, он распахнул дверцу.

– Вылезай!

– Да пошел ты!

У него застучало в висках. Схватив девушку за руку, он легко освободил автомобиль от докучливой особы. Протасив ношу несколько метров в направлении зарослей кустарника, мужчина наконец оставил ее в покое. Силой он обладал невероятной.

– Ах ты, подонок! – взвизгнула девушка. На ее плече уже алел след, оставленный его железной пятерней. – Не думай, что тебе это сойдет с рук. Я знаю, к кому мне обратиться. Твоего духу больше не будет...

Но, увидев его перекошенное злобой лицо, она осеклась. Древний инстинкт самосохранения, заложенный в каждом человеке, подсказывал ей, что с этим парнем что-то неладно. Она поспешила пойти на мировую.

– Эй, не стоит так волноваться. Мы ведь можем договориться, – ее голос предательски задрожал.

– На колени, – скомандовал мужчина.

– Но я так не хочу...

Договорить она не успела. Крепкая зуботычина свалила ее с ног. Рот наполнился солоноватой влагой. Мужчина тем временем достал из кармана кипенно-белый носовой платок и тщательно вытер им пальцы.

– Тебе повезло, – заговорил он. – Я сниму с твоей души грех и очищу твое тело.

«Псих!» – мысли, как пугливые зайцы, метались в голове. Стелле и раньше приходилось бывать в опасных переделках и общаться с далеко не самыми приятными представителями мужского пола. Бандиты и милиционеры норовили попользоваться жрицей любви «за так», и с этим приходилось мириться. Жгучие брюнеты, выходцы из дружественных республик бывшего Союза, утомляли темпераментом и желанием расплатиться за услуги дынями, яблоками или розами. Робкие, замученные семейным счастьем мужички, потупив очи долу, просили *такое*, от чего даже у видавшей виды Стеллы глаза лезли на лоб. Но все они были по-своему понятны и предсказуемы. Но как поступать в ситуации, когда твой клиент вовсе не стремится завладеть твоим телом, а вместо того раскачивается из стороны в сторону как маятник и невнятно бормочет не то молитву, не то заклинание, девушка не представляла.

– ...умножая, умножу скорбь твою.

«О чем это он?»

– ...доколе не возвратишься ты в землю, из которой взята, ибо прах ты и в прах возвратишься. А теперь повторяй за мной...

Это было трудно. Распухший язык не желал подчиняться хозяйке. Из горла вырывался лишь сдавленный стон. Мелькнула мысль: «Я поплатилась за неосторожность. Теперь я уйду в ад».

Мужчина прикрыл глаза. Память вернула его в прошлое, в ту душную июньскую ночь, когда демонические силы, спрятанные где-то в глубине его души, впервые заявили о себе. Все было почти так же, как сейчас. Предутренние часы, влажная пахучая трава и она... такая близкая и желанная. Прошли годы, но он не забыл ее насмешливый взгляд и слова: «Ты, должно быть, спятил. Я никогда не буду твоей. Ума не приложу, как ты мог и мечтать о таком». И она засмеялась. Она хохотала во все горло, не замечая, как темнеет его лицо, как сжимаются в кулаки руки. Жар, поднимаясь от нагретой за день земли, коснулся его щек, лба. Стало трудно дышать. Он не ведал, что делает, знал только, что должен во что бы то ни стало прекратить этот ужасный смех. И когда он услышал стоны, вихрь восторга закружил его. Он чувствовал себя отомщенным. Она была покорена. Больше ей не удастся выставить его на всеобщее посмешище, бросить в его адрес ядовитую шутку, презрительно сморщить курносый носик. Никогда?! И вдруг ему на глаза попались ее чулки, маленьким комочком белевшие на смятой траве...

Когда кровавая пелена спала с глаз, мужчина увидел перед собой отвратительное зрелище. Это была не героиня его детских грез, не первая красавица школы, а третьеразрядная шлюшка из ночного клуба. Красный как кровь лак на пальцах ее ног окончательно вывел его из ступора.

«Надо же, она была начисто лишена вкуса. Какая распушенность!»

Мужчина брезгливо взял в руки ее джинсовую сумочку, больше похожую на косметичку, и внимательно просмотрел содержимое; кинул далеко в сторону картонную иконку, отшвырнул ключи и кошелек из кожаного мешочка. Несколько смятых денежных бумажек он равнодушно сунул себе в карман.

Уже рассвело. Необходимо было убираться отсюда как можно скорее. Он еще раз взглянул на деяние рук своих и невольно залюбовался, как художник, пораженный величием кисти Мастера.

«Как бы то ни было, теперь ты почти прекрасна», – думал он. И на душе было светло и чисто, как после причастия.

Шея девушки была стянута чулками. Как и тогда, в далекой юности...

Ведущая вечерних теленовостей была бодра и энергична, будто только что выскочила из фитнес-клуба. Она вещала о ледящих душу событиях с таким же азартом, как пару минут назад об открытии первого супермаркета в отдаленном сельском районе:

– Сегодня на пустыре вблизи жилого комплекса «Западный» был обнаружен труп молодой женщины со следами насильственной смерти. Ее личность установить пока не удалось. Однако вывернутая наизнанку женская сумочка свидетельствует о том, что убийца, возможно, не побрезговал воспользоваться ее содержимым. Разумеется, речь идет о деньгах, прочих ценностях, документах. Да, еще один интересный момент! На шею трупа были повязаны женские чулки.

Строгий мужчина в форме, сидящий напротив директора, явно не разделял ее веселости. Он хмурил брови и не переставал удивляться женщинам.

«Ох уж этот слабый пол! Они готовы хлопнуться в обморок при виде мыши, но если речь заходит о делах куда более серьезных, к слову сказать, мерзопакостных, дамочки проявляют хладнокровие бультерьера; смакуют детали кровавых оргий, будто речь идет о новой мыльной опере; предлагают совершенно несообразные с точки зрения логики версии и все щебечут, щебечут, щебечут. Черт их побери!»

Ведущая, обаятельно улыбаясь, уже представляла гостя телевизионной публике:

– У нас в студии находится начальник отдела по расследованию убийств прокуратуры области. Скажите, Петр Никанорович, может ли телевидение помочь в установлении личности погибшей. Возможно, если бы мы показали фотографию...

– Об этом не может быть и речи, – отрезал представитель прокуратуры. – Лицо жертвы обезображено настолько, что не остается даже слабой надежды на то, что кто-нибудь сможет ее опознать. Правда, мы можем сообщить вам, во что была одета убитая, а также некоторые приметы, обнаруженные на теле.

Ведущая поскущела. Что толку перечислять приметы? Вот красочные снимки с места происшествия произвели бы фурор. Рейтинг передачи подскочил бы до небес!

– Несколько слов о чулках на шее жертвы. Насколько я помню, мы уже сообщали о подобных случаях. Значит ли это, что на улицах города орудует маньяк? – она еще надеялась на сенсацию.

– Я не разделяю вашего легкомыслия, – остудил ее пыл собеседник в погонах. – Все это ничуть не занимательно. С прискорбием вынужден констатировать, что в городе появился опасный преступник. У правоохранительных органов нет сомнений в том, что им совершено уже несколько убийств. С уверенностью можно говорить о трех жертвах, включая сегодняш-

ний случай. Все три происшествия объединяет объект преступных посягательств – молодые женщины; способ лишения жизни – нанесение большого количества телесных повреждений твердыми тупыми предметами и последующее удушение. Орудовал, похоже, собственными ногами и руками, а при удушении использовал женские чулки.

– Как вы думаете, убийца психически болен? Почему чулки? И почему именно белого цвета?

– Болен он или здоров, будет решать психиатрическая экспертиза. Кстати, некоторые комментарии от специалистов в этой области мы уже получили. Но полагаю, нет необходимости доводить их до широкой общественности. Во всяком случае, пока.

– Тогда напомним нашим зрителям хронологию злодеяний Чулочника (так его уже окрестили некоторые газеты)... Первая жертва – Мария Воронцова. Убита в июне прошлого года. Обнаружена у себя на квартире. Многочисленные телесные повреждения, а также белые чулки вокруг шеи. Вторая жертва – Софья Кац. Погибла в январе этого года. Обезображенный труп найден в гостиничном номере. Лужи крови и белоснежные чулки. Июнь текущего года, третья жертва Чулочника – опять молодая женщина. Личность ее пока не установлена. Но почерк злодея все тот же... Итак, милые беззащитные женщины и храбрые рыцари-мужчины, будьте бдительны. Под покровом ночи на свой кровавый промысел выходит Чулочник. Начальник отдела убийств поморщился. Он не любил цветистых выражений, а также тех журналистов, которые готовы раздуть воздушный шар из мыльного пузыря. Но приходилось с горечью признавать, что на этот раз ситуация была весьма серьезной.

– Подскажите, как женщины нашего города могут обезопасить себя от преступных посягательств? – спрашивала его дотошная журналистка, и это изрядно действовало ему на нервы.

– Как? – Его взгляд на секунду задержался на ее вызывающем декольте. – Есть несколько простых и доступных советов. Во-первых, одевайтесь скромно. Никаких мини-юбок, обтягивающих брюк, вырезов до пупа и прочее. Они свидетельствуют о легкомысленном подходе к жизни и дают зеленый свет любому извращенцу. Исключите обувь на шпильках – они мешают убегать от преследователя; длинные распущенные волосы – за них вас легко ухватить. Тесная одежда сковывает движения. Находясь в общественном месте, не будьте излишне раскрепощенной – вас могут счесть развратной и, соответственно, готовой на любые сексуальные подвиги. Никаких вызывающих жестов и танцев. Лучше находиться в обществе друга, разумеется проверенного, еще лучше – брата, а совсем замечательно – мужа. А вообще, если вас не понесет нелегкая в злые места и вы проведете тихий вечерок в компании милых родственников, вашей жизни ничто не будет угрожать.

– Если, конечно, не обрушится кровля или соседи не подожгут дом, – едко прокомментировала журналистка.

– Что-что? – переспросил представитель прокуратуры.

– Да ничего, – пожала плечами диктор. – Боюсь, наши зрительницы вряд ли воспользуются вашими советами...

Спустя месяц...

Елизавета Дубровская старательно выводила на листе бумаги какие-то невероятные каракули. Напротив нее сидел молодой человек с внешностью Блока и вот уже битый час рассказывал ей необычайно нудную историю своей личной жизни. Он хотел, по всей видимости, получить от начинающего адвоката дельную юридическую консультацию, но, растекаясь мыслью по древу, никак не мог перейти к главному.

– Все начиналось так красиво. Помните, как у Расина? «Всевластная любовь повелевает нами, и разжигает в нас, и гасит страсти пламя». Я был молод и наивен. Глупец! Я искал счастье. А что она? Она была старше меня на год, хитра, изворотлива и невежественна. Она накинула на меня брачные сети, а я даже и не сопротивлялся. Был слеп. Но не зря, видно, Цветаева предупреждала: «Не люби, богатый – бедную, не люби, ученый – глупую...» Я все-таки попался.

Терпение отнюдь не было главной добродетелью молодого адвоката, и Лиза давно бы уже прервала исповедь клиента, но ей безумно хотелось спать. Настенные часы за ее спиной мерно тикали, а конца утомительному дежурству не предвиделось.

Дубровской, как и любому «зеленому» специалисту, надлежало тащить на себе бремя обязанностей, тех, которые маститые адвокаты так любят перекладывать на плечи молодежи. Парясь с утра в помещении юридической консультации, она выслушивала многочисленные жалобы посетителей, рассеянно давала какие-то советы, а сама только и мечтала, как бы поскорее освободиться от всего этого и умчаться вместе с друзьями на озеро. Благо погода была замечательная.

– «Глупый сын – сокрушение для отца своего, и сварливая жена – сточная труба»...

Елизавета очнулась. Ей показалось, что минула вечность. Пора было брать инициативу в свои руки. Из длинного монолога поэта она выхватила только последнюю фразу.

– Итак, перейдем к практическим вопросам. Вас затопили соседи, и вы хотите взыскать с них компенсацию имущественного ущерба. Так?

– Боже! С чего вы взяли? – испугался поэт.

– Вы же только что говорили про какую-то трубу?

– Ах, это! Я лишь цитировал Библию.

– А что вы от меня хотите?

Выяснив, что высокохудожественной натуре поэта ничто земное не чуждо и он хочет поделить имущество так, чтобы его «невежественная» жена осталась только при своих интересах, а он – при всем прочем совместно нажитом барахле, Лиза пригорюнилась. Нет все-таки романтики на белом свете! Прочитав несколько заученных фраз из Семейного кодекса, Дубровская вздохнула свободно. Еще полчаса, и она умчится на своем «Пежо» туда, где можно будет беззаботно хохотать, плескаться в воде и думать лишь о том, насколько прошлогодний купальник соответствует нынешнему сезону.

– А у меня, Елизавета, к тебе есть маленькая просьба, – обратился к ней заведующий консультацией Дружинин.

Дубровская вздохнула. Ласковый тон начальника ничего хорошего, тем более в день ее дежурства, не сулил. Она оказалась права.

– Читаешь ли ты, моя милая, газеты? – откуда-то издали начал Дружинин.

– Конечно. А что? – Лиза еще надеялась на чудо.

– А то, уважаемая Елизавета Германовна, что от лица нашей юридической консультации тебе будет доверена серьезная и ответственная миссия – быть защитником по очень громкому делу.

Коллега Ромашкин, сидящий за соседним столом, хихикнул. Деликатность заведующего и его высокопарный слог можно было объяснить только одним – требовался адвокат по так называемому «бесплатному» делу. Иными словами, прорва работы и смехотворное вознаграждение от государства.

– Дело интересное, незаурядное, в самый раз для начинающего адвоката, – заливался соловьем Пружинин. – Сейчас примешь участие на следствии, позже – пойдешь в суд. Телевидение, пресса – все у твоих ног. Ты будешь делать себе Имя!

– А какое дело? – уныло поинтересовалась Дубровская.

Она работала защитником уже больше года, но давно успела понять, что адвокатская работа – это прежде всего жуткая рутина. Овации в суде, бешеные гонорары и благодарные клиенты – это ее девичьи грезы, не более того.

– Дело Чулочника. Слышала о таком?

– Дело маньяка-душителя! – задохнулась от гнева Елизавета. – И вы это считаете полезным и интересным для молодого адвоката? Да посадите его на электрический стул – я сама включу рубильник!

– Дубровская! – постучал ручкой об стол заведующий. – Ты говори, да не заговаривайся! У нас в государстве...

– Знаю, знаю! Квалифицированная юридическая помощь гарантирована каждому.

– Вот именно. Больно разборчивые стали! Всем подавай олигархов на белых «Мерседесах». Запомни, дорогуша, нефтяные короли – товар штучный. Кто, по-твоему, должен защищать простого небогатого маньяка? Так что прояви гражданскую сознательность, Дубровская. Не забудь, приступаешь с понедельника.

Настроение было безвозвратно испорчено, и приятные мысли о предстоящем отдыхе уже не грели сердце.

– Слушай, Лизавета, – заговорщицки подмигнул ей Ромашкин, когда начальник покинул кабинет. – Хочешь, научу уму-разуму?

– Что ты имеешь в виду?

– А то! Можно освободиться от этого дела без шума и пыли, на вполне законных основаниях.

– А что надо делать? – недоверчиво произнесла Лиза.

– В том-то и дело, что ничего не нужно. Гляди, ты не можешь отказаться от защиты. Так?

– Так.

– Но ведь твой клиент может! Он заявит, что его не устраивает такой адвокат, и попросит тебя заменить.

– А вдруг он не захочет этого сделать?

– Вот здесь собачка и зарыта! Напряги мозги, Дубровская, придумай что-нибудь. Твоя главная задача – вызвать к себе стойкое отвращение. Когда жулик от одного твоего вида синеть начнет и истерики следователю закатывать, считай, ты победила! Найдут другого козла отпущения. Ну как, может, возьмешь меня на бережок?

– Обойдешься!

Елизавете, конечно, претило разыгрывать дурацкие сцены, но тут, похоже, иного варианта не было. Ее мало прельщала перспектива появиться на страницах газет и телевизионном экране в качестве защитника маньяка. «Чулочница» – вот как ее могут назвать! Родственники убитых девушек закидают молодого адвоката тухлыми яйцами. А сам маньяк, вперив в нее безумные глаза, будет неоднократно в своих мечтах душить ее женскими чулками.

Бр-р-р! Лиза содрогнулась, представив, как нейлоновое кольцо смыкается на шее, вытесняя дыхание. В глазах заплескались черные точки. Нет, надо бежать от этого дела, бежать!

...Выходные пролетели, как один день. Наступил черный понедельник, день, когда Елизавете Дубровской надлежало явиться в прокуратуру области и приступить к своим непосредственным обязанностям по защите заблудшей овцы в образе кровожадного монстра.

Было еще только восемь часов утра, но в спальне Лизы на привычных местах оставалась, пожалуй, лишь мебель. Коробки с обувью, груды одежды громоздились на кровати, занимали свободное пространство пола. Спаниель по кличке Бакс весело носился за своим хвостом. Все происходящее, должно быть, напоминало ему суматоху перед отъездом на дачу. Сама Лиза, хмурая и озабоченная, в одних трусиках лавировала в самом эпицентре хаоса, решая непростую задачу.

Итак, ей следовало произвести отталкивающее впечатление на пресловутого Чулочника. Как это сделать? Да очень просто. Необходимо создать образ девицы недалекой, разумом не отягощенной. Кто, скажите на милость, доверит такой кретинке вести защиту, где ставкой является собственная жизнь?

Лиза, оценив царящий в спальне беспорядок, горестно вздохнула. Такое обилие одежды могло смутить не одну модницу. Это были дорогие вещи, приобретенные в лучших магазинах Европы. Когда-то она, дочь высокопоставленного родителя, гордо вышагивала по улицам Лондона, Парижа, Милана. Совершала набеги на лучшие магазины Европы. Папа только смеялся, когда нагруженная пакетами, счастливая Лиза появлялась на пороге гостиничного номера. Герман Андреевич баловал дочь, потакал ее маленьким женским слабостям. Но это все осталось в прошлом...

Смерть отца совпала с началом ее адвокатской карьеры. Семья пережила трудные времена. Мать Вероника Алексеевна – профессиональная жена богатого мужа, сама Лиза, ее четырнадцатилетний брат оказались совершенно не готовы принять жизнь такой, какой она была на самом деле. Естественно, у отца были сбережения, но они таяли, как мартовский снег на солнце; роскошная квартира в центре крупного уральского города требовала ежемесячной оплаты; машины нуждались в бензине; дача – в текущем ремонте; а няня Софья Илларионовна – хоть в небольшом, но вознаграждении. Жизнь показывала зубы...

Лиза оглядела себя в зеркале. Да, если бы Герман Андреевич был жив, то, увидев дочь в подобном виде, он наверняка бы решил, что она повредила умом. Короткая кожаная юбочка, открывающая почти безупречные женские ножки, без всяких сомнений, бесподобна, но совершенно неуместна в коридорах почтенной прокуратуры. Грудь приятно обтянута полупрозрачным топом. Сверху – пиджачок, купленный в знаменитой парижской «Весне» за две тысячи зеленых. В диком ансамбле с юбкой, топом и босоножками обалденно розового цвета он потерял, пожалуй, восемьдесят процентов своей первоначальной цены.

Пора заняться лицом. Выразительные карие глаза с золотистыми крапинками надо бы оттенить погуще. Эффект будет поразительным, если учесть, что у Лизы от природы ослепительно белая кожа. Пусть это сейчас не столь современно, зато изысканно и неповторимо. Отлично! Сейчас она напоминает фарфоровую куклу. Никто не заподозрит, что в этой хорошенькой головке имеются еще и извилины. Слишком уж невинно смотрят на мир огромные глазищи, ресницы издают интимный шорох, а губки, искусно подчеркнутые блеском, годятся только для поцелуев. В довершение всех чудес от столь колоритной особы за версту несет «Dolce Vita». Остается надеяться, что маньяк если не ослепнет от подобного великолепия, то задохнется, это точно.

Довольная собой Елизавета взъерошила перышки и в великолепном настроении поспешила к выходу. Первые аплодисменты ей удалось сорвать тут же. Домашние завтракали на кухне. Няня застыла как изваяние, а брат Денис пронес бутерброд с маслом мимо рта.

– Господи, Лиза, ты ли это? – Софья Илларионовна всплеснула руками. – Ты это куда? Да еще в таком виде...

Лиза, прекрасно зная решительный характер нянюшки, ускорила шаг. Та не посмотрит, что ее любимица уже перешагнула порог совершеннолетия. Не устраивая китайских церемоний, она просто закроет девушку в ванной и не выпустит до тех пор, пока Лиза не отмоем начисто лицо и не приведет в порядок одежду.

Показав язык собственному братцу, Елизавета стрелой пролетела мимо рассерженной няни. Хлопнула входная дверь. В воздухе повис стойкий запах сладкого парфюма...

Старший следователь областной прокуратуры Вострецов пропускал с утра уже не первую чашку крепкого чая. Неудивительно, работая по громкому делу местного Джека Потрошителя, самому превратиться в привидение. Регулярно не высыпаясь, литрами поглощая безобразный черный чай и выкуривая бешеное количество сигарет, бедный Игорь Валентинович буквально падал с ног от усталости. Однако тщеславие, присущее любому мало-мальски толковому сыщику, возрождало в нем надежду на всенародный почет и признание. Дело маньяка Чулочника обещало войти в историю российской криминалистики и покрыть громкой славой каждого более или менее причастного к искоренению злодея. А следователь Вострецов со всей присущей ему скромностью надеялся оказаться в числе центральных фигур сенсационного процесса.

«Вероятно, меня пригласят для интервью на телевидение или даже на съемки документального детектива. Если все умело преподнести и вовремя засветиться на экране, можно получить не только денежную премию и повышение в звании, – мечтал он. – Можно написать недурной детектив или же статью в юридический журнал, сдвинуть с места диссертацию, начатую пять лет назад. Кстати, а почему не подумать и о другом месте работы? Не вечно же мне горбатиться за идею, нужно и о собственном кошельке подумать».

Представив, как бесподобно он будет смотреться за рулем сверкающей иномарки в темных очках и белом костюме, да еще и с длинноногой спутницей в короткой юбке, Вострецов вздохнул. Мечты мечтами, а журналисты пока что не штурмуют здание прокуратуры в поисках интервью. Значит, надо работать...

Шум за окном заставил его выглянуть наружу. Автомобиль под управлением какого-то нервного водителя тщетно пытался занять место между «Волгой» и «Москвичом». Машина отчаянно газовала, беспорядочно дергаясь то вперед, то назад, и норовила устроить небольшой погром на служебной автостоянке.

Вострецова прошиб холодный пот. Дело в том, что старенький «Москвич» вызывающе зеленого цвета принадлежал ему, и, поскольку новенькая иномарка приятно маячила пока лишь в розовых мечтах, необходимо было срочно принимать меры. Следователь чуть не вывалился из окна, пытаясь привлечь внимание странного водителя истошными воплями. Неизвестно, долетели пламенные речи до адресата или нет, только автомобиль вдруг замер как вкопанный. Из салона выскочила фигуристая дамочка с броской внешностью и, убедившись, что ей удалось благополучно перегородить всем выезд со стоянки, быстро-быстро засеменила в здание прокуратуры области.

Бессонная ночь и только что пережитый стресс доконали Вострецова. Хорошенько чертыхнувшись, он хлопнул дверью кабинета и помчался вниз, для того чтобы сообщить посетительнице уважаемого заведения все то, что он думает о женщинах за рулем вообще и о водительских способностях этой гражданки в частности.

Полусонный охранник на вахте при виде Елизаветы мигом подобрался. Дамочка столь экзотической наружности, конечно, не была похожа на террористку, но и на звание «Мисс Благонадежность» тоже не тянула.

- Я к следователю, – заявила Елизавета. – К Вострецову.
- На подписке? – осведомился бдительный страж.
- Что?

– На допрос явились?

– Может быть, – пожала плечами Дубровская. Ей было невдомек, с чего вдруг охранник, вместо того чтобы просто пропустить ее внутрь, пялится на ее ноги да еще задает какие-то странные вопросы.

Между тем в холл выскочил высокий рыжий мужчина. Бешено вращая глазами, он оглядел Дубровскую с головы до пят и только было открыл рот, чтобы поприветствовать ее подобающим образом, как его опередил охранник:

– Это к вам, Игорь Валентинович, посетительница пришла. Говорит, на допрос.

– Фамилия? – рявкнул рыжий.

Елизавета, чувствуя себя пионеркой, робко представилась.

– Дубровская? – нахмурился Вострецов. – Что-то не припоминаю. Вы потерпевшая, свидетель?

– Да обвиняемая она. На подписке, – бодро отрапортовал мент.

До Лизы наконец дошла вся нелепость ситуации. Вытащив из сумочки удостоверение, она сунула его под нос стражу порядка, затем передала следователю.

– Адвокат?! – почти синхронно воскликнули мужчины.

– Да, – с достоинством ответила Лиза. – А что, в этом есть что-нибудь удивительное?

– Пройдемте, – взял ее за локоток Вострецов.

Он как-то многозначительно взглянул на охранника. Тот понимающе хмыкнул. Лизе стало не по себе. Примерно так чувствует себя нудист, по привычке снявший всю одежду на городском пляже. Мужчины бесцеремонно оглядывали ее, только что не цокали языками.

«Черт!» – с досадой подумала Дубровская. Да, она добилась того, чего хотела. Но в ее планы вовсе не входило шокировать всю областную прокуратуру или пусть даже некоторых, не самых лучших ее представителей.

Вострецов тем временем провел ее в свой кабинет. Усевшись на стул у заваленного бумагами стола, Елизавета спрятала ноги подальше. Юбка, и без того короткая, задралась еще выше. Пришлось поставить на колени сумку. Застегнув пиджак на все пуговицы, алая от смущения Дубровская наконец решилась взглянуть на следователя.

– А где же Чулочник?

– Простите? – не понял он.

– Где мой подзащитный?

– Ах, Климов! Его здесь нет. Он в следственном изоляторе.

Шах и мат! Маскарад не имел никакого смысла!

– Побеседуем? – Вострецов придвинул стул поближе к Елизавете. От его былой нервозности не осталось и следа. – Вы, как я вижу, девушка молодая, м-м-м... симпатичная. У вас наверняка прорва дел – дискотеки, клубы, друзья-приятели и все такое прочее. У меня же – сроки следствия, сроки содержания под стражей, требовательное начальство, возмущенная общественность. Короче, ничего интересного. Давайте договоримся. Вы – не мешаете мне. Я – не мешаю вам. Мы взаимовыгодно сотрудничаем, а потом расстаемся лучшими друзьями. Лады?

Лиза молчала. Иногда она соображала очень медленно. Вот как сейчас. Что имел в виду следователь?

– Вы сказали, что я не должна вам мешать. Вы боитесь, что я развалю дело?

Глаза девушки выражали такую кротость, что бедный Вострецов, не сдерживаясь, расхохотался:

– Вы?! Развалить дело?! Боже правый!

– А что это вас так развеселило? – обиделась Лиза. – Вы считаете, что я на это не способна?

Вострецов с трудом подавил истерическое ржание и, промокнув глаза салфеткой, почти серьезно произнес:

– Да нет же, уважаемая. Я ни на минуту не сомневаюсь в ваших профессиональных качествах. Я только хотел заметить, что такой молодой и интересной девушке совсем не обязательно забивать себе голову премудростями уголовного процесса...

Елизавета разозлилась. Хотя разве не она стремилась во что бы то ни стало сыграть роль легкомысленной особы? Видать, это ей удалось с блеском. Стоит ли обижаться на следователя? Но он тоже хорош. Рыжий, как таракан-прусак, в линялых джинсах, одни манеры чего стоят. Громко сморкается, беспрестанно чешет левую руку. Проказа у него, что ли? Да еще это обращение «уважаемая». Ясно, что ни о каком уважении здесь не может быть и речи.

– ...так, о чем я говорю? Подписать протоколы следственных действий не требует много времени. Стоит ли дышать тюремной вонью и портить себе цвет лица? Росчерк пера – и вы свободны, как птица в полете! Отправляйтесь куда хотите: на пляж, дискотеку или же в казино.

– Но позвольте! – возмутилась Елизавета. – То, что вы предлагаете, незаконно. Подписать протоколы, но в следственных действиях не участвовать. Меня же могут обвинить в нарушении прав клиента! А если он заявит на суде, что своего адвоката видит впервые в жизни? Вы представляете, что станет с моей репутацией?

– А кто вас, уважаемая, выдаст? Я этого делать не собираюсь. Нет у меня в этом интереса. Боятесь Климова? Кто ему поверит? Он же маньяк-убийца. О каком нарушении его прав можно говорить? Вешать таких надо на первом же попавшемся столбе.

– А что, его вина уже доказана? Может, и приговор уже есть? – съязвила Лиза.

– Помилуйте! – поднял руки вверх Вострецов. – Давайте только не будем вспоминать о презумпции невиновности. Вы хотите сидеть часами в следственном изоляторе? Ради бога! Я лишь хотел сказать, что это ничего не даст. За решеткой – убийца. Это я вам говорю без всяких сомнений.

– Странно, что вы в этом так уверены.

– Ничего тут странного нет. Доказательств у нас достаточно. Более того, раскрою наш маленький секрет, пока неизвестный широкой общественности. Мы взяли этого Климова прямо на месте последнего убийства. Тепленьким.

– Сразу после убийства? – открыла рот Лиза. – Над трупом?

– Почти, – засмутился вдруг следователь. – Слышали ли вы когда-нибудь, уважаемая, что преступника тянет на место совершенного им преступления?

Заинтригованная Дубровская кивнула головой.

– Так вот, этот Климов нарисовался там аккурат в то время, когда мы производили осмотр местности и трупа. Принесла его нелегкая. Видимо, хотел взглянуть на бедняжку еще раз. Видели бы вы, во что он превратил девушку. Хотя такая возможность вам представится. Я думаю, одних фотографий с мест происшествий хватит с лихвой, чтобы присяжные вынесли обвинительный вердикт.

– Откуда вы знаете, что это дело будет рассматриваться присяжными? Насколько я знаю, для этого требуется ходатайство от самого Климова.

– О! Да вы, я вижу, кое-что усвоили из институтской программы, – ухмыльнулся Вострецов. – Ну что же. Не будет суда присяжных, так любой профессиональный судья размажет нашего маньяка по стенке. Судите сами. На бумажнике убитой и картонной иконке с места происшествия обнаружены пальчики вашего подзащитного. Вы, уважаемая, слышали о дактилоскопии? Припоминаете, что нет двух людей с одинаковыми отпечатками пальцев?

– Знаю.

– Отлично. Кроме того, на этом злосчастном пустыре обнаружена джинсовая сумочка, ну, в каких обычно вы, девчонки, всякую дребедень храните: помаду, зеркальце.

– Косметичка?

– Что-то вроде. Так вот, волокна этой самой сумочки и волокна, изъятые с одежды нашего подонка, идентичны. А о чем это говорит? О том, что он брал ее в руки... И на все, уважаемая, есть уже данные экспертиз. Я, так сказать, немного опережаю события. Тороплюсь. Рассказываю вам это только для того, чтобы вы не теряли даром времени.

– А что говорит Климов?

– Что он должен говорить? Полностью согласен с обвинением. Во всяком случае, признает последний эпизод – убийство возле жилого комплекса «Западный». Но мы-то с вами знаем, что все три убийства связаны между собой одним исполнителем. Слышали о принципе «нитка – иголка», когда признание одного факта автоматически влечет за собой и признание других? Так что, уважаемая, Климов повязан крепко. Не надрывайтесь даром. Если будете вести себя достойно, я подскажу вам верную линию защиты.

– А если я последую вашему совету?

– Собирайте справки о своем подопечном: грамоты из пионерских лагерей, табель успеваемости в начальной школе, выписки из медицинской книжки о перенесенном в детстве коклюше. – Вострецов наслаждался собственным красноречием. – Кстати, не забудьте и о личностях погибших. Не промахнетесь. Благодатный материал для защитника! Все три девицы как на подбор ночные феи. Так что при хорошем раскладе ваш клиент получит двадцать пять годков. Чем не успех?

– А может случиться, что ваш Климов откажется от моих услуг? Я – молодой неопытный адвокат и полагаю, что ему без услуг профессионала не обойтись, – прикинулась овечкой Лиза.

– Не беспокойтесь, – успокоил ее следователь. – Ему тут «вышак» ломится, вернее, пожизненное заключение, так что мне его отказ, что козе гармонь. Он должен быть обеспечен защитником, а вы, уважаемая, ему подходите. Будем работать!

– Сделайте такое одолжение, – вспылила наконец Дубровская. – Вот вам ордер и постарайтесь выучить наконец мое имя и отчество.

– Слушаюсь, – дурачился следователь. – А вы, будьте так любезны, когда пойдем в СИЗО, наденьте юбку подлиннее. Не ровен час, наш маньяк перевозбудится. Вы, должно быть, в его вкусе. Да, еще я настоятельно советую вам сменить персональный автомобиль на общественный транспорт. Не хочется, знаете ли, искать замену такому симпатичному адвокату!

– Какое хамство! – сорвалась с места Елизавета. – Я ухожу.

– До встречи, – приветливо отозвался Вострецов. – Приходите завтра в изолятор. Я вам дам время пообщаться с нашим героем. Клянусь честью своего мундира, в суде, в паре с Чулочником, вы будете выглядеть потрясающе.

Елизавета выскочила за дверь. Ей было слышно, как смеется следователь.

– Наглец! Нахал! Хам! – сквозь зубы шипела Лиза.

Хорошо же для нее началось это миленькое дельце. Молодой паршивец – следователь и подзащитный – маньяк! Можно представить, в каком аду она окажется ближайшие месяцы.

– Девушка! У вас, кажется, сломался каблук, – приподнялся со своего места охранник. Лиза остановилась. Обувь была в порядке.

– Очень смешно, – процедила она.

– До свидания, – помахал ей фуражкой милиционер, – адвокат!

– Готовься, мы вечером идем в гости! – радостно сообщила мать, едва Елизавета успела ступить на порог дома.

– О боже! Только не это, – простонала девушка.

Она предвкушала спокойный вечер в кругу семьи.

После словесной дуэли с энергетическим вампиром Вострецовым Лиза чувствовала себя опустошенной. Как здорово было бы принять душ и поваляться в кровати с книжкой. Но Вероника Алексеевна иногда бывала чертовски упряма. Светская дама по призванию, при жизни мужа, высокопоставленного чиновника в масштабах отдельно взятого федерального округа, она вела довольно-таки активную жизнь: губернаторские приемы, презентации, фуршеты. Но стоило Герману Андреевичу покинуть этот грешный мир, как, словно по мановению руки злого волшебника, двери всех респектабельных домов оказались для нее закрыты.

Вероника Алексеевна чувствовала себя, как рыба, выброшенная на пустынный берег. Кругом – ни души! А ведь были и другие времена. Когда телефон в их квартире просто раскалялся от звонков. С ней хотели общаться, ее любили, в ней нуждались. Мужчины вокруг были обходительны и галантны. Официанты в ресторанах подобострастно улыбались. Портнихи и маникюрши сносили капризы и дурное настроение светской львицы с покорностью и почти библейским смирением. Но всему на свете приходит конец! И вот сегодня, буквально напросившись на небольшую закрытую вечеринку к старым знакомым, Вероника Алексеевна была на седьмом небе от счастья.

– Погляди, не высовывается лялочка? – Она крутилась перед зеркалом, так и эдак поправляя ладно сидящее на фигуре вечернее платье. Сейчас она снова чувствовала себя молодой и красивой, тогда как в течение последнего года ее неизменными спутниками оставались скорбь и траур.

Она тараторила как заведенная, пытаясь за пустой болтовней скрыть непонятную ей нервозность.

– Доченька, кажется, я поняла, чем мне нужно заняться в ближайшее время. Прости, я была так невнимательна к тебе. Но теперь все пойдет по-другому. Я подыщу тебе подходящую пару, и когда ты выйдешь замуж...

Личная жизнь Елизаветы сейчас находилась где-то на отметке, близкой к нулю. Конечно, обладая яркой внешностью женщины-ребенка и остатками бывшего материального благополучия, дочь Дубровских притягивала к себе не один заинтересованный мужской взгляд. Но после череды разочарований, когда прежний рой поклонников из среды «золотой молодежи» сгинул в никуда, беспечная и своенравная Лиза по-иному взглянула на окружающих ее людей. Открылись малоприятные вещи, а именно, что одной смазливой мордашки и легкого, беззлобного характера вовсе не достаточно для ее бывших знакомых, некогда внимательных и щедрых, а теперь желчных и меркантильных. Елизавета уже морально готовилась посвятить остаток своей молодой жизни служению Родине, Фемиде, чужим детям и бродячим животным. Тем не менее нелепое предложение матери ее рассмешило.

– Ма! Ты это без шуток?

– А что тут такого? – пожала плечами Вероника Алексеевна. – Хватит тебе сидеть в девицах, да и семье нужен мужчина.

– Ну и каким ты видишь моего будущего принца?

– Каким? Молодым... Впрочем, это необязательно. Из хорошей семьи, с материальным достатком, с образованием. Что там еще? Без вредных привычек, с чувством юмора, ну и тому подобное.

– Главным, конечно, является достаток и хорошие связи? – иронизировала Лиза.

– Это даже не обсуждается, – отрезала Вероника Алексеевна. – И давай-ка, дорогая, поспеши. Мы можем опоздать...

Лиза вздохнула. Не хочется, но идти все-таки придется. Конечно, она не восприняла всерьез виды матери на ее сватовство. Жить за мужской спиной как за каменной стеной – это были альфа и омега женского счастья в понимании старшей Дубровской. Но то, что она наконец стряхнула с себя траурное оцепенение и задалась хотя бы такой, пусть бредовой

идеей, это уже многого стоило. Мать следовало поддержать, а для этого Лиза готова была спуститься даже в преисподнюю или же принять участие в шабаше ведьм.

...Лиза давно не посещала подобные мероприятия, и поэтому ее поразила нелепость происходящего. На вечеринке во всем ощущалось отсутствие меры и здравого смысла.

Большой загородный дом, построенный в духе новорусского архитектурного идиотизма, запросто мог бы служить декорацией к фильму о Средневековье. Многочисленные башенки из неизменного красного кирпича с флюгерами на верхушках, витражные окна, кованые ворота... Для полноты картины не хватало разве что крепостного рва с водой и моста на массивных цепях, который можно было бы легко поднять перед неприятелем: налоговой полицией, разъяренной толпой старых русских или одураченными конкурентами.

Содержание ничуть не уступало форме. Великолепная резная лестница, бархатные портьеры, ковры, способные заглушить даже поступь мамонта, антикварные подсвечники и огромный камин – всего этого было бы достаточно для того, чтобы у любого среднестатистического иностранца при виде столь впечатляющей роскоши начисто снесло крышу.

Съестное изобилие могло бы вызвать желудочные спазмы даже у сказочных трех толстяков. Столы ломились под тяжестью самых разных блюд: заливных креветок, фаршированных щук или карпов, кальмаров в сметанном соусе, жареных поросят со специальными подливками в соусниках, индеек в печеных яблоках. Мириады тарталеток с различными наполнителями из ветчины, сыра, бекона, сардин громоздились на хрустальных подносах. Спелые виноградные гроздья делили ложе с великолепными персиками. Хохолки ананасов гордо возвышались над апельсиново-банановым беспределом. Взмывленные официанты сновали в толпе жующих господ, предлагая вино, коньяк, водку. В серебристых ведерках покоилось шампанское.

Но даже не это бездумное расточительство коробило Елизавету. За внешним лоском собравшихся, за этим царским размахом скрывалось... убожество. Бриллианты в ушах, дорогие костюмы и роскошные иномарки не значили ровным счетом ничего. Все казалось театральным, вычурным, ненастоящим.

Елизавета почувствовала отвращение. С бокалом шампанского в руках она уселась в сторонке, ничуть не страдая от одиночества. Она наблюдала за пляшущими языками пламени, удивляясь, кому могла прийти в голову потрясающая по своей глупости мысль – растопить камин в такую жару.

– Вот ты где прячешься, дорогая! – вывел ее из задумчивости голос матери.

Вероника Алексеевна, раскрасневшаяся от вина и праздничной атмосферы, чувствовала себя в своей тарелке. Рядом с ней стоял молодой человек, несколько грузный для своего роста, но безупречно одетый и, по всему видно, до занудства воспитанный.

– Лиза, это Вадим, сын хозяина дома. Он учится в МГИМО. Приехал к родителям погостить... Вадим, это Лиза, моя дочь, молодой преуспевающий адвокат, без пяти минут кандидат юридических наук.

Вадим поцеловал Лизе ручку. Мать была в восторге.

– Я, пожалуй, пойду. Думаю, молодым людям всегда есть о чем поговорить. Вадик, солнышко, покажи Лизе парк. Она здесь почти ничего не видела.

Мать поправила прическу и, кокетливо помахав дочери кончиками пальцев, удалилась. Столь откровенное сводничество не на шутку разозлило Елизавету. Она покраснела, представив, что о ней может подумать новый знакомый. Но тот смотрел на нее глазами теленка и, похоже, не подозревал, что его приготовили для заклания.

– Пройдемся, – Вадим предложил девушке руку. Та без энтузиазма согласилась.

Парень оказался галантным кавалером. Он рассказывал Дубровской анекдот за анекдотом, смеялся сам и, словно невзначай, касался ее талии. В паузах он показывал Лизе достопримечательности своей усадьбы и давал комментарии:

– Поглядите-ка, милая! Это парадная зона нашего землевладения. Направо – розарий, выполненный в викторианском стиле. Далее – современная «американская лужайка». Это просто идеальное место для активных игр. Вот когда вы с матушкой и с многоуважаемым Германом Андреевичем посетите нас в нашем скромном жилище...

Дубровская настолько была погружена в свои размышления, что не обратила внимания на последнюю реплику своего экскурсовода. Голос Вадима звучал так же монотонно, как вода в искусственном ручье, что совсем не мешало ей анализировать события прошедшего дня. Выводы были малоутешительными.

«Недаром отец когда-то советовал мне заниматься другой областью права. Хозяйственные дела, арбитраж – это престижно, современно, а главное – доходно. Грустно сознавать, но материальный интерес для меня теперь на первом месте. Мне надо содержать семью...»

– ...На светофоре стоит «шестисотый» «Мерседес». Со всей дури к нему в багажник врзается «КамАЗ»... Вы ждете продолжения про бандитские разборки? Ха-ха-ха... Из «Мерседеса» никто не вышел. Это анекдот такой! – Вадим принял кислую мину Дубровской за искреннее выражение восторга и решил взять ее под локоток. – Я смотрю на вас и думаю: «Какая у Германа Андреевича красивая дочь!» Знаете ли, ваш отец вызывает во мне искреннее восхищение. Такая цельная натура! Такой редкий сплав организаторского таланта и человеколюбия...

«Прав был папа! Уголовные дела – это такая грязь, от которой стоит держаться подальше. Взять того же Чулочника... Что, кроме мигрени, я смогу получить, занимаясь его защитой? Благодарность? От кого мне ее ждать: от родственников убитых, от взбудораженной прессы или от самого монстра? О деньгах говорить вообще не приходится. Крохотное вознаграждение за многочасовое сидение в суде и издерганные нервы, наконец. Не стоит ли мне прислушаться к совету отца и завязать с уголовщиной? Может быть...»

– Взгляните на эти бронзовые скульптуры, – дребезжал Вадим. – Мои предки ухлопали на них кучу денег. Но смотрятся они совсем неплохо... Ах, как мне хотелось бы вас хоть чем-нибудь удивить! Но глубокоуважаемый Герман Андреевич, должно быть, исколесил с вами полмира. Теперь вас может восхитить разве что Пизанская башня, вкопанная прямо посередине нашего розария!

Дубровская вяло кивнула головой.

– А что же сам Герман Андреевич не приехал? – выплыл из небытия голос Вадима. – Наверняка он очень занят.

Дубровская оторопело взглянула на молодого человека и наконец поняла, о чем он спрашивает.

– Мой отец умер более года тому назад.

– Разве? – в свою очередь опешил Вадим.

Находясь вдалеке от родительского дома, он не знал всех городских новостей. Елизавета Дубровская в его представлении по-прежнему оставалась лакомым кусочком, любимой дочерью могущественного родителя.

Известие поразило его настолько, что он разом забыл все свои анекдоты.

– Я искренне тебе сочувствую, – промямлил он.

Искренности в его словах Елизавета не услышала, зато неожиданный переход на «ты» не остался ею незамеченным...

Внезапно кто-то энергичный и деловитый вклинился между ними. Дубровская сразу и не поняла, что это был Семен Иосифович Грановский, лучший адвокат их города и старый знакомый Лизиного отца.

– Позвольте, молодой человек, я освобожу вас от столь коварной особы, – сказал он полущутя-полусерьезно. – Я украду ее ненадолго. Думаю, вы простите старика.

Вадим не возражал. Елизавете даже показалось, что он вздохнул с облегчением. Должно быть, не слишком занимательно играть роль вежливого хозяина, когда под руку ведешь не перспективную невесту (новость о кончине папаши Дубровского поразила его в самое сердце) и даже не потенциальную любовницу (родители бы не одобрили подобной связи). Как ни верти, пустая трата времени, и только!

Лиза же была рада видеть старого знакомого. Пожилой адвокат действовал на нее, как джин-тоник. Подумать только, совсем недавно они были почти врагами. Семен Иосифович, возглавляющий самую престижную юридическую фирму города, отказал Лизе от места чуть ли не в тот же день, когда получил известие о смерти ее отца. Конечно, это было форменным свинством, но, учитывая некоторые последующие события, а именно то, что Елизавета по глупости развалила защиту Грановского по очень громкому делу и выставила его на всеобщее посмешище, они в итоге оказались квиты¹. В конце концов, Семен Иосифович являлся по-настоящему талантливым адвокатом, и побеседовать с ним было не столько занимательно, сколько полезно.

– Семен Иосифович, а бывали у вас в практике такие дела, когда одна мысль о том, что сотворил ваш подзащитный, вызывала рвотную реакцию? – после первых приветствий Елизавета перешла к теме, которая занимала ее сейчас больше всего.

– Конечно, Лизонька, такое было. Представь себе, я защищал Хряпова, знаменитого убийцу малолетних детей. Не хочу пересказывать события, это выше моих сил. Но поверь, дорогая, чувствовал я себя при этом не самым лучшим образом.

– Но тогда почему же вы не отказались от защиты? Деньги?

– Я думаю, что ответ ты знаешь сама. Во-первых, адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты. Ну а во-вторых, адвокат никогда не защищает преступление, он нужен для того, чтобы наказание оказалось справедливым. Думаешь, ты одна возомнила себя редкой добродетелью, способной судить без суда? Так поступают многие наши коллеги. Не попадайся в ловушку, будь выше всего этого.

– А как же потерпевшие? Ведь они будут готовы растерзать меня за каждое слово, сказанное в защиту убийцы. И положила руку на сердце их можно в чем-то понять.

– Вот ты и пойми их. А потом прости. И они, если отойдут от эмоций, не осудят тебя. Ведь ты ни за что на свете не скажешь, что твой подзащитный поступил правильно. Ты лишь укажешь суду на смягчающие обстоятельства, если они, конечно, есть. Только и всего... Не забывай, однако, что подсудимый может оказаться невиновен.

– Ой, Семен Иосифович, послушать их, так они все невиновны.

– Лизонька, детка, ты, без всяких сомнений, слышала про Чикатило.

Лиза кивнула головой.

– Так вот, он совершил около пятидесяти пяти зверских убийств. Да еще каких! От невероятного количества ножевых повреждений его жертвы казались изрешеченными дробью. Не забывай, в подавляющем большинстве это были дети.

– Вот видите, разве такого следует защищать? Казнить, и точка!

– Не торопись, дорогая. Сама знаешь, спешка оправданна лишь при ловле блох, а если речь заходит о человеческой жизни – рубить сплеча уж никак не годится... Так вот, я продолжу. Убийцу долго не могли вычислить. Не секрет, что наиболее опасные маньяки весьма искусно маскируются под обычных граждан. Кто заподозрит в серийных убийствах почтенного главу семейства, скромного труженика и ничем не примечательного соседа? Так вот, в течение двенадцати лет за совершенные Чикатило преступления были осуждены несколько человек, а одного из них даже расстреляли. И вот теперь представь на мгновение, если бы тебя назначили защитником к этому бедняге. Стала бы ты его защищать? Ты, так же, как и

---

¹ Читайте об этом в романе Н. Бороховой «Визитная карточка хищницы», издательство «Эксмо».

сейчас, толкала бы умные речи о расправе без суда и следствия и, робко потупив голову и не задавая ни единого вопроса, наивно полагала, что делаешь благо – не мешаешь справедливости торжествовать. А что в итоге? Осудили бы невиновного, лишили его жизни. Как бы ты себя чувствовала? Смогла бы ты себя простить?

Елизавета задумалась. В чем-то Грановский был прав. Она, пожалуй, попытается раз-
узнать, что там и к чему, и лишь потом даст деру. Убедиться, так ли все в этом деле гладко,
конечно, следует.

– Не буду занимать дальше твое драгоценное время, – Грановский церемонно раскла-
нялся. – Здесь столько интересных молодых людей. С моей стороны бессовестно держать
тебя своим старческим брюзжанием. Удачи тебе, дорогая!

Возможно, этот вечер оставил бы в памяти Елизаветы единственную метку – полезный
во всех отношениях разговор с мудрым адвокатом Грановским, – если бы не происшествие,
заявившее в цепи последующих событий центральное место.

Итак, Елизавета не без сожаления распрощалась с Грановским. Заняться было реши-
тельно нечем. Для начала было бы совсем неплохо скрыться подальше с глаз матери и зануды
Вадима. Она не перенесла бы еще одну экскурсию по саду. Лучше было бы отсидеться за
кустами сирени. Пусть будущего дипломата терзают другие, более озабоченные построе-
нием безоблачного семейного счастья дамы.

Лиза обогнула кусты и с размаху налетела на какого-то человека.

– Эй, да так ведь и убить можно! – громко возмутился он. – Смотреть надо, дамочка,
куда идете.

– Я думаю, очки вам бы тоже не повредили, – в тон ему ответила Елизавета.

– Надо же, а я думал, что здесь сегодня собрались только выпускницы института бла-
городных девиц. Неужели я ошибся?

Нет, это уже было слишком! Встречаться с хамами не только на работе, но и в свое
законное свободное время Лиза не собиралась.

– Какое совпадение! А я ожидала, что меня будут окружать одни джентльмены. Но,
видно, сэр, вы не из их числа.

Мужчина рассмеялся. Лиза насупилась. Ну почему она не может ответить так, чтобы
нахала как ветром сдуло? В ответственные моменты жизни ей всегда изменяет сообрази-
тельность.

– Знаете, мне наша нечаянная встреча напомнила сцену из «Унесенных ветром». А
вам? Могу поспорить, вы обожаете эту книгу. Я угадал?

– Может быть. Только вы мне мало напоминаете Ретта.

Елизавета слегка лукавила. Внешне молодой мужчина был совсем не плох. Темново-
лосый, спортивный, с живым подвижным лицом, он был так не похож на тех снобов, кото-
рые в избытке наводняли эту средневековую резиденцию. Вот только одет он был как-то уж
очень скромно: легкий трикотажный свитер и джинсы.

– Не лезьте в бутылку, прекрасная незнакомка. Назовите лучше свое имя. Меня зовут
Андрей. Я – давний приятель Вадима, еще со школьных времен. Признаюсь честно, я не
принц, не банкир и даже не бандит.

Лиза почему-то заулыбалась.

– Я тоже не принцесса и не банкирша. А вот бандитов я иногда защищаю. Я – адвокат,
Дубровская Лиза.

– Могу поспорить, что ваш отец – какая-нибудь важная шишка и, увидев меня рядом
со своей дочерью, придет в ярость и откажет мне в радости увидеть вас снова.

– О, здесь вы не правы.

– Скажете, что вы – дочка садовника?

– Нет, не скажу. Моего отца уже нет в живых. Я здесь с мамой. Но она абсолютно безобидна.

– Это здорово! – искренне обрадовался Андрей. – Значит, мы с вами товарищи по несчастью. Я попал на этот бал-маскарад случайно и чувствую себя здесь очень неуютно. Боюсь, что мои ужасные манеры могут смутить изысканную публику. Знаете, я ведь даже не представляю себе, как выглядит вилка, которой надо есть рыбу!

– Велика печаль! Я этого тоже не знаю.

– Вот я и говорю, что мы с вами чем-то похожи. Кстати, а если мы перейдем на «ты», это не будет слишком нахально с моей стороны?

Остаток вечера они провели, непринужденно болтая обо всем понемногу. Только тогда, когда на садовые дорожки легли тени, а живописная местность погрузилась в полумрак, Лиза спохватилась:

– Меня наверняка разыскивает мама.

Она оказалась права. Вероника Алексеевна, не в лучшем расположении духа, вот уже час тщетно пыталась разыскать свою дочь среди гостей. Она немало была раздосадована той переменной, которую заметила в отношении к ней окружающих. Нет, ее никто не обижал. Боже упаси! Все были даже внимательны к ней, но как-то до смешного снисходительны. Создавалось впечатление, что она тяжело больна и нуждается в соболезнованиях. Никаких тебе сногшибательных комплиментов, галантного шарканья ножкой, льстивых заверений в вечной любви и преданности.

В довершение всех несчастий собственная дочь нарисовалась перед ней в компании какого-то подозрительного типа. Вероника Алексеевна окинула молодого человека взглядом. От нее не укрылась ни одна деталь его более чем скромного внешнего вида. «Не нашего круга!» – вынесла она вердикт и поставила в конце жирную точку.

– Познакомься, мама, это Андрей.

Вероника Алексеевна милостиво кивнула головой.

Молодой человек улыбнулся и подчеркнуто вежливо поклонился.

«Смесь смазливой внешности и наглости – это действует на женщин безотказно. Бедная моя дочь!» Она решила, что молодой человек недостаточно хорошо воспитан.

– Чем вы занимаетесь, Андрей? – спросила она не из интереса, а только для того, чтобы что-то спросить.

– Я – компьютерщик.

– Кто, простите?

– Программист. Могу помочь вам в ремонте компьютера.

– А-а, – промычала что-то неопределенное Вероника Алексеевна. – Хорошо, хорошо, мне все понятно... Лизонька, я жду тебя в машине. Поспеши. У меня страшно болит голова. Всего доброго, Андрей.

Она удалилась.

– Не очень-то я ей понравился, – заметил молодой человек.

– Ерунда! Моя мама иногда бывает не в настроении. Ты здесь совсем ни при чем. Так что если вдруг решишь навестить нас – милости просим. Да, кстати, я ничего не смыслю в компьютерах!

– Это легко можно поправить.

Лиза рассмеялась. Что ни говори, а поход в гости удался на славу. Слушать маму иногда бывает очень даже полезно!

Лиза долго размышляла над словами Грановского. Она выстраивала в уме варианты первой встречи с человеком, при упоминании о котором у женской половины миллионного города от страха стучали зубы.

Итак, она может по-прежнему разыгрывать из себя идиотку в смутной надежде на то, что маньяк откажется от ее услуг и потребует для себя квалифицированного защитника. «Я ни черта не смыслю в этих книжках, – скажет она, ткнув длинным накладным ногтем в обложку Уголовно-процессуального кодекса. – А красный диплом мне купил папа. Не представляешь, сколько на это ушло денег. Пришлось пожертвовать покупкой шикарного манто и поездкой в Париж». После этих слов любой здравомыслящий маньяк видеть второй раз глупую как пробка адвокатессу не захочет, вне всяких сомнений.

Вариант, может быть, и неплохой, но уж слишком обидно изображать из себя непроходимую тупицу, тогда как у нее ума целая палата (в этом Лиза ничуть не сомневалась).

Другой выход из положения подсказал ей противный Вострецов. Подписать протоколы следственных действий, а знакомство с темной личностью отложить на будущее. К тому моменту, когда дело окажется в суде, Лиза может сломать ногу, выйти замуж и забеременеть или же уехать на постоянное местожительство в Австралию. Пусть тогда Чулочника защищает кто-нибудь другой.

Идея вообще неплохая, тем более что при ее осуществлении экономится уйма времени и сил. К слову сказать, так поступают многие адвокаты, если надежды на гонорар не более чем пустые мечты. Но дурацкая сознательность не позволяла Лизе работать спустя рукава. Проигрывать – так хоть с музыкой!

И последний вариант – начинать работать. Она пойдет в изолятор, будет беседовать с серийным убийцей, знакомиться с материалами уголовного дела и, когда убедится, что перед ней маньяк, а не случайная жертва следственного произвола, тогда она... Кстати, а что тогда она станет делать?

Маньяком оказался молодой мужчина довольно привлекательной наружности. Светлые волосы, чуть волнистые; открытый, высокий, без единой морщинки лоб. Серые глаза, оттененные пушистыми ресницами, не выражали озлобленности, только безнадежную тоску да, пожалуй, усталую покорность. Его телосложение вряд ли можно было назвать богатырским.

Привлекали внимание руки, вернее, пальцы. Длинные, нервные, безупречно ухоженные, они находились в постоянном движении: то поправляли непослушную прядь волос, то теребили ворот рубашки.

– Климов? – осведомилась Елизавета. Она не была уверена, что этот молодой мужчина и есть тот кровожадный маньяк, за здорово живешь отправивший на тот свет трех девушек.

Тот вскочил с места, неловко опрокинув на пол лежащие перед ним бумаги. Он зарделся как красна девица, чем привел Дубровскую в еще большее замешательство.

– Вы, должно быть, мой адвокат. Как хорошо, что вы меня навестили.

Такой любезный прием несколько смягчил боевой настрой Елизаветы. Она еще не распрощалась с тайной надеждой кинуть это бесперспективное дело. Правда, сегодня она выглядела скромно, как и полагается приличному адвокату. Темный деловой костюм, портфель с бумагами, неброский макияж – и никаких женских завлекалочек.

– Понимаете, я попал в жуткую ситуацию, – признался Климов почти шепотом. – Они думают, что я виновен.

«Хм! Я, кстати, в этом почти не сомневалась».

– М-м... А вы разве не признали свою виновность?

Мужчина вздохнул, затем задрал рубашку. На теле отчетливо были видны следы побоев. Багровые полосы уже затянулись корочкой, но все равно выглядели ужасающе.

– Видите?

– Что это?

– Цена моих показаний. Я просто не выдержал. Они требовали признания. Я сломался.

Климов уронил голову на руки и разрыдался. Елизавета не знала, что и думать. Во всяком случае, это не походило на спектакль.

– Вы мне можете помочь?

Парадоксально, но такие слова Елизавета в своей недолгой адвокатской практике слышала впервые. Ей отчаянно не везло с клиентами. Первый из них, главарь боевиков одного из крупнейших преступных сообществ области, конечно, нуждался в помощи. Но доведенный безумным прессингом оперативников до состояния комнатного растения, он мог только таращить на адвоката глаза и чесать свое интимное место. Второй клиент, некий Петренко, в конце концов признанный невиновным в убийстве, не обращал на своего защитника никакого внимания. Поэтому простая и бесхитростная просьба Климова польстила Елизавете. Его глаза просто молили о помощи.

«То, что при задержании некоторые особо нервные работники правоохранительных органов распускают руки, – далеко не новость. Иногда, кстати, их понять можно. Трудно удержаться от эмоций, когда перед тобой детоубийца или насильник. А тут попался знаменитый Чулочник, беспощадный монстр, из-за которого жены и дочери тех же оперативников после девяти вечера не рисковали появиться на ночной улице без сопровождения...»

Но Елизавета не решилась озвучить Климову свои мысли. Вместо этого она почти робко произнесла:

– Это будет сделать непросто. Вы должны отдавать себе в этом отчет. Вас арестовывают прямо на месте происшествия, всего в нескольких метрах от трупа. Потом вы даете признательные показания. На вещах убитой находят отпечатки ваших пальцев. Что я могу сделать? Максимум – при удачно построенной защите я смогу отвоевать у суда пару лет. На большее не стоит и надеяться.

– Но я невиновен! – воскликнул Климов. В его голосе сквозило отчаяние. – Вы верите мне?

– Предположим, что так. – Елизавете не хотелось спорить. – Но как вы объясните эту абракадабру с уликами? Хорошо, я верю, что признательные показания у вас просто выбили. Такое бывает. Но все остальное?

– Это все ложь. От первого до последнего слова. Я все могу объяснить. Все!

Климов волновался. Фразы набегали одна на другую, а целостной картины событий недавнего прошлого так и не получалось.

– Это все ужасная ошибка! Роковое стечение обстоятельств! Клянусь, я говорю чистую правду.

Елизавета была в замешательстве. Она не видела пока никаких перспектив в этом деле, но горячие заверения ее клиента в собственной невиновности, неумелые попытки хоть как-то защитить себя смутили ее.

«Если бы он был виновен, как пить дать он бы сумел сочинить складную историю, в которой выглядел бы безгрешным ягненком. Но он так волнуется, что, похоже, на самом деле невиновен. Да еще следы побоев на теле... Но, как бы то ни было, обнадеживать его я не должна».

– Возможно, в вашем деле имеются исключительные обстоятельства, – наконец произнесла она. – Но я боюсь, что моих знаний может оказаться недостаточно. Полагаю, вам потребуется более опытный адвокат. Я могу порекомендовать...

– Не стоит, – покачал головой Климов. – Я верю вам. А кроме всего, не забывайте, у меня нет средств. Так что вряд ли ваши рекомендации сослужат мне добрую службу. Не отказывайте мне в помощи. Умоляю!

Елизавета колебалась. Климова было откровенно жаль.

Внезапно лицо мужчины дрогнуло. Он увидел что-то ужасное, вот только что, Елизавета сразу не поняла. Это «что-то» находилось за ее спиной.

Она оглянулась. В смотровом окошке маячила жизнерадостная физиономия рыжего следователя. Он постучал костяшками пальцев по стеклу и, не дожидаясь приглашения, вошел в следственный бокс.

– *Какой пассаж! Какой фурор! Знакомые все лица, маньяк-душитель весь в слезах, с ним адвокат-девица!*

Было видно, что он чрезвычайно доволен собственным сочинительством.

– Какая идиллия! – всплеснул он руками. – Я думаю, вы уже составили план, как развалить обвинение. Мое почтение, Елизавета Германовна! Вы, я вижу, вняли моему робкому совету и решили сменить имидж. Что ж, вам идет. Адвокатесса-вамп!

Лиза с трудом держала себя в руках. Интересно, если сейчас она вспылит и назовет наглеца следователя рыжим клоуном или, к примеру, облезлым козлом, можно ли будет квалифицировать ее действия как оскорбление представителя власти?

– Дражайшая моя Елизавета Германовна! – не унимался Вострецов. – Не поддавайтесь на провокации Климова. Смею вас заверить, что под личиной скромного благопристойного человека скрывается существо злобное, опасное и на редкость коварное.

Глаза бедняги Климова опять наполнились слезами. Дубровская не выдержала:

– Игорь Валентинович! Насколько мой подзащитный опасен, пусть решает суд. Но если вам не терпится принять активное участие в судьбе Климова, я могу подсказать верное направление. Вот возьмите, почитайте.

Она передала следователю листок бумаги.

– Итак, почитаем... «Ходатайство о проведении медицинского освидетельствования в отношении Климова А.А.». Это еще что за прикол?

Конечно, хитрюга Вострецов сразу понял, о чем идет речь. Освидетельствование – весьма немудреное следственное действие, во время которого медицинский работник документально фиксирует наличие телесных повреждений у обвиняемого. Что это дает для защиты? Очень много! Имея подобный документ на руках, адвокат может как дважды два перед судом доказать, что признательные показания его клиента получены незаконно. А это все равно что никаких показаний вообще не было.

– Выбирайте выражения, Игорь Валентинович! – вспылила Лиза. – Не вижу здесь ничего смешного! Признание Климова, каким вы совсем недавно передо мной бравировали, объясняется просто и, простите, пошло! Взгляните на его тело! Неужели вам нужны дополнительные комментарии?

Вострецов изобразил искреннее изумление.

– Да ты что, Климов! Ну-ка покажи, что там у тебя есть.

Мужчина поднял рубашку.

– Ай-ай-ай, – начал сокрушаться следователь. – Что же это ты так неосторожен? Упал с нар?

Климов молчал, а следователь продолжал валять дурака. Елизавету все это откровенно злило.

– Ну же, Климов! Будьте смелее. Расскажите следователю все, что сообщили мне. Кстати, прошу оформить его показания надлежащим образом, в виде протокола допроса.

– Сделаем, уважаемая. О, простите, Елизавета Германовна! Видите, ваш урок пошел мне на пользу.

Дубровская промолчала. Она мечтала как можно скорее выбраться из душного следственного бокса на свежий воздух и дышать наконец полной грудью. А кроме того, нестерпимо хотелось принять душ. Общение с противным следователем, который, кстати, не переставал чесать себе руку, давалось ей нелегко. Ирония судьбы, но маньяк на его фоне казался сущим ангелом.

Лиза скинула туфли и с облегчением вздохнула. Нет, эта изнуряющая жара просто невыносима! В кондиционированной прохладе автомобиля чувствуешь себя человеком, но стоит только выйти под палящие лучи солнца, как сразу же становишься похожа на сонную корову. Идешь, спотыкаешься и мечтаешь лишь о том, как бы забраться по самую макушку в какой-нибудь водоем и вылезти из него только после захода солнца. Ну, насчет водоема придется, конечно, повременить, ограничиться обыкновенным душем, а вот стаканчик холодной минералки будет сейчас в самую пору.

Из столовой раздавались голоса, чей-то смех, бряканье столовых приборов. «Лишь бы не гости!» – взмолилась про себя Елизавета. Кого это могло принести так не вовремя? Ответ она получила тут же.

– Лиза! К тебе пришли, – оповестила ее няня. – Очень веселый и очень голодный молодой человек!

Темноволосый мужчина за столом отвлекся от большой тарелки с окрошкой и поднялся ей навстречу.

– Андрей! – изумилась она.

Надо же, новый знакомый с той самой вечеринки оказался очень притким. Насколько правильно она помнила события, а на память Лиза пожаловаться не могла, она передала Андрею, прощаясь, только номер своего домашнего телефона. Кажется, она приглашала его в гости, не предполагая, впрочем, что он явится через три дня. А он уже здесь, собственной персоной, сидит у нее в столовой и уплетает за обе щеки нянину окрошку.

– Не удивляйся, дорогая, – поспешил объяснить он. – Ничего сверхъестественного в моем появлении нет. Адрес я легко вычислил по номеру телефона в компьютере.

– Ах, ну ты же великий компьютерщик! – усмехнулась Лиза.

Сама она относилась к людям подобной профессии с плохо скрываемым благоговением. Дело в том, что Дубровская страдала, по меткому выражению ее младшего брата, техническим кретинизмом. Все приборы, аппараты и приспособления, созданные человеком для облегчения тягот повседневной жизни, изрядно отравляли ей жизнь. Компьютер же среди них был просто воплощением зла. Елизавета подозревала, что у этой электронной машины имеется вполне человеческий мозг. Со всем присущим биологическим тварям коварством этот мудреный ящик с кнопками норовил зависнуть каждый раз, как только Елизавета приближалась к нему на расстояние ближе полуметра. Он не подавал никаких признаков жизни, а робкие манипуляции Лизы с перезагрузкой приводили к нулевому результату. Отчаявшись реанимировать злобное чудовище, Елизавета ударяла по монитору тапкой и шла звать брата. При появлении Дениса компьютер издавал какие-то звуковые сигналы, в которых Лизе мерещилась почти человеческая радость, мигал лампами и выдавал на экран все, что требовалось, по первому же запросу. Милый братец традиционно бросал меткий камушек в огород женского ума и логики, и Елизавете приходилось сносить подобное унижение. Не приглашать же каждый раз кого-нибудь из специализированной фирмы только для того, чтобы отправить банальную электронную почту...

Услышав о профессии нового Лизиного знакомого, Денис издал восторженный вопль:

– Так ты сечешь в компьютерах? Потрясающе! У меня к тебе столько вопросов...

– Денис, – строго прервала его Лиза, – не кажется ли тебе, что не очень вежливо приставать с такими просьбами к человеку, впервые пришедшему к нам в дом?

– Не кажется! – среагировал брат. – Зато думается, что, если этот твой новый друг увидит тебя за компьютером хоть раз, он не рискнет прийти к нам снова.

– Денис! – завопили Лиза с няней. – Уйди в свою комнату и не мешайся.

– Хорошо, я уйду, – с видом оскорбленного достоинства произнес Денис.

Он хлопнул дверью, подарив сестре на прощание взгляд, полный праведного негодования.

– Зря вы так строго, – вступился за мальчика Андрей.

– Ничего, ничего, не обращай на него внимания, – заметила няня. – Распустился совсем. Сладу с ним нет.

Было видно, что Софье Илларионовне новый друг Лизы пришелся по душе. Она потчевала его обедом, сетуя, что в прежние времена стол Дубровских был заставлен более изысканными блюдами, чем окрошка, картофельное пюре и компот из сухофруктов. Но Андрей нахваливал нянюшкину стряпню, а она просто таяла от комплиментов.

После обеда перешли к ритуалу, неизменному во многих семьях в случае прихода гостей. Журнальный столик был завален семейными фотоальбомами. Гость был чрезвычайно любознателен и задавал массу вопросов. Таким образом, когда подошло время прощаться, Софья Илларионовна да и сама Лиза были просто очарованы молодым человеком.

Денис, проглотив былую обиду, все-таки вышел из своей комнаты.

– Ладно, заходи, – пробурчал он. – Скажи хотя бы, в какой фирме ты работаешь? Надеюсь, это не секрет?

Андрей на мгновение замешкался.

– Фирма «Электроникс». Головной офис.

Получив такой ответ, Денис даже присвистнул от восторга:

– Крутая контора!

Еще бы! Рекламные ролики этой фирмы мозолили глаза горожанам с завидной регулярностью, а щиты с внушительным перечнем услуг для клиентов встречались на каждом шагу. Паутина «Электроникса» цепко охватила весь город. Это были магазины, торгующие компьютерами и прочей оргтехникой, интернет-кафе, мастерские, клубы для начинающих пользователей и продвинутого контингента. Работать там было, вне всяких сомнений, престижно.

У Елизаветы же создалось впечатление, что Андрей не слишком-то стремится говорить о своих занятиях. Это нежелание она истолковала по-своему. Вероника Алексеевна в прошлый раз отреагировала на профессию нового знакомого Елизаветы как-то уж больно сухо, словно речь шла о работе грузчика на рынке. И сегодня, увидев молодого человека у себя в столовой, мать Елизаветы не проявила гостеприимства. Поприветствовав гостя вялым кивком головы, она удалилась в свою комнату, прямая и величественная, как вдовствующая императрица.

– Хороший мальчик, – сказала Софья Илларионовна, затворив дверь. – Конечно, не богат, это видно сразу. Но простой и веселый.

– Чего-чего, а веселья нам действительно не хватает, – едко заметила мать, выходя из комнаты. – Лизонька, детка, я поняла, что Вадим тебя не заинтересовал. Так?

– Да, мама. Он ужасный сноб. Кроме того, мне показалось, что он не слишком-то умен, а еще и страшный зануда.

– Занудство и снобизм – не самые страшные качества в человеке, – заметила мать. – Иногда это признак породы. Что же касается ума, то твое утверждение весьма спорно. Вспомни хотя бы про МГИМО.

– Это еще ни о чем не говорит, – отмахнулась Лиза.

– Ладно, доченька. Я понимаю, что тебе в твоём молодом возрасте нужно с кем-нибудь встречаться. Поэтому я не делаю драмы из твоего знакомства с этим... как его? Машинистом.

– Программистом, мама!

– Не вижу особой разницы. Хочешь – встречайся. Только без глупостей. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Примерно.

– Вот и отлично. А я тем временем буду искать тебе более подходящую партию.

Тон матери не оставлял сомнений в непоколебимости ее намерений. Лиза предпочла с ней не спорить. Как говорится, если не чесать проблему, она иногда может пройти сама собой.

...О том, что следователь Вострецов, мягко говоря, неискренен с ней, Елизавета подозревала с первого дня их не совсем приятного знакомства. Но то, что Игорь Валентинович может приврать, выдавая желаемое за действительное, было для Дубровской открытием.

Изучив некоторые документы, какие защитнику могли быть представлены на самой ранней стадии расследования, и сопоставив полученные сведения с бессвязным лепетом своего клиента, Лиза поняла, что положение Климова не столь уж и безнадежно. Судите сами!

В то самое злосчастное утро будущий клиент Дубровской держал путь в жилой микрорайон «Западный». Самая короткая дорога пролегла через пустырь, поросший кустарником, с оврагами и сорной травой. Не сказать, что Климов сильно торопился, скорее наоборот. Встреча с бывшей супругой ничего хорошего не сулила, но игнорировать ее, как и приступ мигрени, было невозможно. Поэтому он, заведя скопление людей на пустыре, только порадовался возможности отсрочить визит к своей благоверной пусть хоть на полчаса. Наверно, произошло и вправду что-то экстраординарное, если местность, служившая пристанищем для бродячих собак, теперь была наводнена людьми. Он подошел поближе. Так и есть! Милицейские машины, озабоченные мужчины в серой форме и при погонах – все говорило о том, что здесь, по всей видимости, осматривается место происшествия.

– Давай топай своей дорогой, – не очень любезно посоветовал ему хмурый сержант и загородил собой что-то ужасное, в крови.

– А что произошло? – осмелился на вопрос Климов.

– Убийство...

Вот и все, что удалось выжать из неразговорчивого стража порядка. Климов повернулся и решил было обойти стороной проклятое место, чтобы не нервировать людей в форме, как вдруг его взгляд натолкнулся на какой-то предмет, почти незаметный среди высокой травы. Он наклонился. Это оказалась небольшая картонная иконка. Бурый след, по всей видимости кровавое пятно, прямо над изображением Пресвятой Богородицы красноречиво свидетельствовал о том, что эта вещь имеет прямое отношение к произошедшей здесь трагедии.

– Эй! – окликнул его сержант. – Что ты там делаешь?

Увидев иконку и выслушав взволнованное объяснение мужчины, милиционер сообщил что-то по рации.

– Жди здесь, – буркнул он.

Климов безропотно подчинился. Шли минуты, но почему-то никто не проявлял интереса ни к самому Климову, ни к его находке. Он прохаживался взад и вперед, не решаясь оторвать серьезного сержанта от ленивого созерцания царящей вокруг суматохи. Поддевая ногой небольшой камушек, будущий обвиняемый как мог занимал себя. Наступив ботинком на какую-то штукину, явно оброненную человеком, Климов остановился. Аккуратно отряхнув от пыли найденную вещицу, он рассмотрел ее. То был потрепанный бумажник. Денег внутри не оказалось.

– Стой рядом, – рявкнул сержант. – Не затапывай место происшествия и не хватай руками вещдоки.

Через полчаса от группы людей в форме отделилась массивная фигура какого-то мужчины. Важная осанка, брюшко и суетливо снующие вокруг людишки не оставляли сомнений. Это был начальник, и, по всей видимости, крупный. Степенной походкой он подошел к Климову.

– Ну, что тут? – осведомился он.

– Да вот гражданин нашел кое-что, – заторопился с объяснениями сержант. – Предположительно это имеет отношение к происшествию.

– Очень хорошо. Где криминалист?

Подбежал лысоватый мужичок с чемоданчиком – и через минуту картонная иконка и бумажник перекочевали в пластиковые пакеты.

– Итак, упаковываем все аккуратненько и отправляем на исследование, – прокомментировал действия криминалиста мужчина с брюшком. – Ну как, засняли?

Этот вопрос был адресован уже фотографу, фиксировавшему на пленку осмотр места происшествия.

Настал черед Климова.

– Ну что же, товарищ! – торжественно произнес начальник. – Благодарим за бескорыстную помощь и сотрудничество.

Все! У растерявшегося Климова никто из присутствующих не удосужился даже уточнить некоторые небезынтересные детали. Фамилия и имя, а также место жительства добровольного помощника милиции оказались почтенной милицейской публике безразличны, как, впрочем, и то, что делает он на месте преступления. Его отпустили, помахав на прощание ручкой.

Зато сыщики провели поквартирный обход нескольких четырнадцатизэтажных домов, расположенных в радиусе километра от места происшествия. Информации было собрано много, но она не имела ни малейшего отношения к ночному убийству. Так, например, пудель восьмидесятилетней бабули выл на луну, чувствуя покойника. Дворовый пьяница Колян куда-то пропал аккурат в вечер трагедии, что рождало нехорошие подозрения местных старушек о его возможной причастности к громкому убийству. Кто-то слышал звон разбитой посуды, кто-то выстрелы... Ничего утешительного для доблестных сыскарей.

Дело на глазах возмущенной общественности могло превратиться в очередной «висяк». Но тут пришли результаты экспертизы... На картонной иконке и бумажнике были обнаружены отпечатки пальцев. Думаете, кого? Правильно, того самого добровольного помощника милиции! Пропустив результаты дактилоскопии через компьютерную поисковую систему, сыщики без труда установили его данные. Им оказался Климов Алексей Александрович. Сгубило беднягу то печальное обстоятельство, что он уже попадал в поле зрения правоохранительных органов и, стало быть, пальчики ему в свое время откатали.

Зря бедняга кричал о своей невиновности, кто бы его стал слушать! Есть данные дактилоскопии, и точка! Найденные вещи принадлежат убитой, стало быть, брать их в руки мог только маньяк.

В довершение всего этого безумства из квартиры Климова была изъята кое-какая одежда. И вот ужас! На брюках подозреваемого нашли несколько джинсовых волокон, идентичных тем, которые имелись на сумочке жертвы. Напрасно бедный Алексей Александрович говорил что-то о том, что эти брюки он не надевал с прошлого лета и что джинсовой одежды в его доме – пруд пруди! Дело оставалось за малым – убедить Климова, что он все-таки виноват и страшно раскаивается в содеянном.

Как имела возможность увидеть Елизавета Дубровская, это правоохранительным органам удалось. Пусть для осуществления благородной задачи потребовалось сделать некоторое внушение несознательному Климову. Но в конце концов цель оправдывает средства!

...Несмотря на то что в конце тоннеля забрезжил свет и в деле Климова появились хоть какие-то обнадеживающие моменты, праздновать победу было еще рано. В этом Елизавета смогла убедиться очень быстро. Отдавая в руки следователя Вострецова письменное ходатайство о проведении в отношении ее подзащитного медицинского освидетельствования, Дубровская, конечно же, не надеялась на чудо. Но по крайней мере она ожидала, что сумеет

смутить рыжего наглеца и поставит его в затруднительное положение. Происхождение кровоподтеков на теле Климова необходимо будет объяснять, и здесь вряд ли поможет сказочка про падение с нар. Но через пару дней Игорь Валентинович, ехидно улыбаясь, передал ей в руки какие-то бумаги.

– Что это? – спросила она.

– Уважаемая Елизавета Германовна, – торжественно произнес следователь. – После нашей последней встречи, когда от вас поступил тревожный сигнал о состоянии здоровья вашего... нет, *нашего* подопечного, я, признаюсь, не спал всю ночь! Я все думал, как же так получилось, что вверенная нам хрупкая жизнь бедняги Климова оказалась под угрозой? Неужели в наших следственных изоляторах такие непрочные спальные места? Неужели так сложно обезопасить каждого заключенного специальным предохранительным бортиком, чтобы он, потеряв во сне бдительность, не свалился ненароком на пол и не расшиб себе нос? Вы согласны со мной, Елизавета Германовна?

Темно-карие глаза Дубровской давно уже стали угольно-черными. Ей казалось, что через мгновение у нее, как у сказочного Змея Горыныча, изо рта повалит едкий дым. Она испепеляла Вострецова взглядом, но толстокожий следователь был неуязвим.

– Давайте не будем разыгрывать комедию! – Ее голос даже охрип от негодования. – Вы видели телесные повреждения Климова? Я, конечно, не специалист, но следы, оставшиеся после применения резиновых дубинок, разглядела. Кажется, я просила вас провести освидетельствование, а вы мне что даете? – Она потрясла печатными листами перед носом Вострецова.

Тот изобразил вид примерного первоклассника, взял из рук Дубровской бумаги и с выражением прочитал:

– «Рапорт. Составлен пятого июля сего года... Обвиняемый Климов А.А., содержащийся под стражей в учреждении СИ 70/4, неоднократно нарушал режим, что выражалось... Это вам неинтересно. М-м-м, вот!., так, пятого июля, не подчинившись законным требованиям работников оперчасти Галиулина, Мешкова, Корыстина и Фролова, производящих досмотр всех лиц, находящихся в камере номер сто двадцать, отказался добровольно отдать им четки. На уговоры и предупреждения реагировал агрессивно. В результате к Климову АА. были применены спецсредства в виде резиновых дубинок. О случившемся своевременно было доложено начальнику следственного изолятора. Действия Галиулина, Мешкова, Корыстина и Фролова были признаны законными и обоснованными...»

Он победно взглянул на Елизавету:

– Вопросы есть?

– Конечно. Что такое четки?

– А это, уважаемая... пардон! Елизавета Германовна, по-вашему, по-женски, такие бусинки на ниточке, которые заключенные катают из хлебного мякиша. Люди религиозные используют сей предмет для отсчитывания поклонов во время молитвы. Наши же заключенные в массе своей безбожники, крутят этот шнурок в руках просто из баловства. Нервы себе успокаивают.

– Да я десятки раз видела эти шнурки у подсудимых в зале заседаний! – воскликнула Елизавета. – Насколько я помню, ни суд, ни конвой ничего против этих вещей не имели. Какая была необходимость четырем здоровым лбам из изолятора отбирать эти бусы у художавого, доведенного до ручки Климова? Что, важнее дела не нашлось?

– Я прочитал вам рапорт. Желаете обжаловать действия оперсостава?

Глаза Вострецова излучали прямо-таки неумное веселье.

– Я поняла, что в этом случае буду похожа на Дон Кихота.

– Простите?

– Это все равно что бороться с ветряными мельницами. Так?

– Так, Елизавета Германовна! Не берите близко к сердцу всю эту историю. За что бы ни получил по мозгам ваш Климов, поверьте, он получил за дело...

«Особенно если учесть, что после этого он добровольно взял на себя вину в убийстве трех девушек...»

* * *

– Пожалуй, меня трудно назвать удачливым человеком, – с горькой улыбкой на губах рассказывал Климов. – Но в одном мне повезло бесспорно. У меня была потрясающая мама...

Светловолосая, голубоглазая, с нежной, почти прозрачной кожей, она казалась маленькому Алексею воплощением Божьей Матери на земле. Ее кроткий нрав и ангельское терпение делали ее непохожей на всех других представительниц слабого пола.

– Ты мой малыш, – говорила она маленькому Алеше. А тот, замирая от счастья, прижимался к ней. Так они проводили долгие вечера. А по ночам бедный мальчик вскакивал в холодном поту и на цыпочках приближался к постели матери. Ему казалось, что она не дышит. Мысль о том, что его мама может умереть и оставить его одного в этом уютном, зловещем мире, приводила в ужас. Его отец был очень известен и материально благополучен. По этим же причинам его вклад в воспитание сына был чисто символическим. Он вечерами пропадал на различных мероприятиях со всякими нужными людьми, неделями не вылезал из командировок и месяцами не общался с женой и ребенком. Но Алеша не роптал. Его вполне устраивало, что самую лучшую на свете маму не нужно делить с каким-то мужчиной, пусть даже с собственным отцом.

Женское воспитание наложило отпечаток на формирование характера мальчика. Он не доставлял хлопот педагогам, не очень жаловал спорт, а свободное время предпочитал проводить за книжкой. Девчонки вились вокруг смазливой подростка с предложениями вечной любви и дружбы, но ни одна из них в этом не преуспела. Все они казались Алексею поверхностными, хвастливыми, помешанными на тряпках и заграничных фильмах. Лишь мать, единственная и неповторимая женщина всей его жизни, гордо стояла на недостижимом пьедестале, а светлые девчонки-одноклассницы не были достойны даже смахивать пыль с ее туфель...

Причины такого нетипичного для подростка поведения крылись в характере взаимоотношений между матерью и отцом. Алексей подрос и стал замечать то, на что раньше не обращал внимания. Он слышал приглушенные рыдания матери по вечерам, которые она пыталась скрыть, уткнувшись лицом в подушку.

До него долетали обрывки разговора между родителями, когда раздраженный отец срывал дурное настроение на ни в чем не повинной супруге. Как-то раз, вернувшись из школы раньше времени, он увидел у ворот дома служебный автомобиль отца. Из спальни доносились странные звуки. Алексей уже был взрослым мальчиком и в общих деталях представлял, чем могут заниматься мужчина и женщина, оставшись наедине. Поэтому он, взяв на кухне яблоко, забрался с ногами в кресло и стал терпеливо ждать, когда все закончится.

– Лешенька, – раздался вдруг знакомый голос. – Ты почему так рано?

Его мать зашла в комнату в плаще. Судя по мокрым волосам и зонтику в руках, она только что откуда-то вернулась.

Он вытаращил глаза, тщетно пытаясь понять, как его мама смогла оказаться в двух местах одновременно. Из спальни по-прежнему доносились стоны. Когда ужасная догадка пришла к нему в голову, он долго не рассуждал. Схватив мать за руку, он потащил ее к дверям комнаты.

– Мама, ты должна это остановить. Там...

Она остановила его:

– Не надо, сынок, я все знаю.

Из спальни вышла пунцовая горничная, на ходу застегивая юбку. Следом за ней появился отец. Он как ни в чем не бывало спросил сына о школьных отметках и засобирился на работу. Когда за ним захлопнулась дверь, Алексей обратился к матери:

– Зачем ты все это терпишь?

– Так надо, сыночек. У тебя должен быть отец.

Такого самопожертвования он не понял. Одно лишь усвоил четко: женщин на свете много, но таких, как его мать, больше нет...

В престижном институте, место в котором выбил для него влиятельный отец, Алексей сразу же попал в поле зрения потенциальных невест. Особенно он приглянулся красавице Ларисе, студентке юридического факультета. Будучи свободной от всякого рода комплексов и предрассудков, девушка вела почти богемную жизнь. В ее поклонниках числилась большая часть студентов курса и некоторые преподаватели. Лишь Алексей, красивый и воспитанный юноша, оставался слеп по отношению к подобному чуду природы. Однажды предприимчивая красавица во время одной из студенческих вылазок на природу очень кстати подвернула себе ногу. Желających помочь страдалице было, как всегда, хоть пруд пруди, но сама Лариса отдала предпочтение Алексею. Тот, неискушенный в женских хитростях, воспринял ее просьбу как нечто естественное. Когда они переправлялись через лесной ручей, девушка теснее прижалась к нему, а потом вдруг внезапно поцеловала. Неизвестно, что чувствовала в тот момент сама соблазнительница, но Алексей ощутил лишь влажную податливость ее губ да вкус только что съеденных во время привала макарон по-флотски. Ошеломленный внезапной атакой, юноша выпустил из рук драгоценную ношу, и Лариса, в модном комбинезоне и дорогих кроссовках, полетела в холодную воду. Алексей как ни в чем не бывало продолжил свой путь дальше...

После этого случая вопреки ожиданиям многих безответная любовь Ларисы не только не угасла, а переродилась в стихийное бедствие, лесной пожар. Она сходила с ума по упрямому Алексею, преследовала его бесконечными телефонными звонками и любовными письмами. Развязка оказалась неожиданной...

Мать Алексея сильно расхворалась. Она и раньше не отличалась особым здоровьем, а фарфоровая бледность ее щек объяснялась болезнью. Но, жалея сына, женщина предпочитала молчать. Однако настал тот черный день, когда скрыть истинное положение вещей стало невозможно. Правда разверзлась перед Алексеем со всей своей страшной и пугающей прямоотой. Матери требовались операция и последующее дорогостоящее лечение. Отец формально выполнил свой долг: сунул ее в неплохую клинику, оплатил лечение. Но в палате жены он практически не появлялся. Дежурный пакет яблок привозил раз в неделю шофер. А врачи, почувствовав полную бесконтрольность, особого рвения не проявляли. Мать угасала на глазах.

Получилось так, что единственным собеседником, кому Алексей смог пожаловаться на равнодушного отца, стала по случайной прихоти судьбы Лариса. Та же судьба-злодейка уложила их в первый же вечер в одну кровать, а несколькими неделями позже преподнесла неожиданный сюрприз. Узнав новость, мать прослезилась:

– Ты должен на ней жениться, сынок. Она носит твоего ребенка, значит, это предопределено свыше. Будь к ней снисходителен, дорогой. Женщину так легко обидеть.

Отец был категоричен:

– А ты, оказывается, болван! Девка воспользовалась тобой, чтобы на своем брюхе заползти в приличную семью. Ты хоть поинтересовался, кто ее родители? Мне это пришлось сделать за тебя. Спешу тебя поздравить! Ты имеешь все шансы стать полноправным членом пролетарской семьи.

Алексей решил проявить твердость и пойти наперекор воле родителя. Он чувствовал ответственность перед жизнью крошечного существа, зародившегося в утробе не любимой им женщины.

Отец в конце концов смирился и преподнес молодым в качестве подарка отдельную квартиру и серебристый «Опель».

Мать умерла через два месяца после злополучной свадьбы. Алексей рыдал в холодном больничном холле, а юная медсестра, светловолосая и голубоглазая, чем-то неуловимо похожая на мать, утешала его как могла.

Через неделю после похорон сюрприз преподнесла молодая супруга.

– Знаешь, дорогой, у меня случился выкидыш, – молвила она. – Но у нас еще все впереди. Мои родители, пожалуй, были правы, нам еще рано думать о ребенке. Тем более могу себе представить, во что превратит беременность мою великолепную фигуру...

Если после смерти матери Алексей почувствовал себя ослепшим от слез, то в тот момент, когда Лариса, невинно хлопая огромными глазищами, огорошила его неожиданным известием, он ощутил глухоту. Нет, он не любил жену и даже несколько не привязался к ней за период короткой супружеской жизни. Он навел необходимые справки и узнал то, что поразило его еще больше. Беременность Ларисы была вымыслом от начала до конца. Кроме того, внушительное число аборт, перенесенных бедняжкой в прошлом, ставило под сомнение ее способность к деторождению в принципе.

После такого чудовищного обмана Алексей потерял всякое влечение к молодой супруге...

Жизнь катилась по привычному кругу. Климов получил неплохую работу в банке. Теперь он мог себе позволить роскошный автомобиль, а серебристый «Опель» перекочевал к Ларисе.

Его супруга между тем маялась бездельем: салоны красоты, уроки тенниса и шейпинг, болтовня с подружками и сон до обеда. Каждый из них жил автоматически, не желая что-либо менять в уже установленном ими укладе жизни. Прожит день – и хорошо...

Однажды, обратившись в поликлинику с какой-то пустячной болячкой, Алексей в кабинете врача увидел ту самую юную медсестру, которая утешала его в день смерти матери. Правда, теперь она уже была врачом-терапевтом и превратилась в очаровательную молодую женщину. Сходство с матерью казалось просто нереальным. Анна, так ее звали, казалась такой же милой и кроткой, как некогда его мать. Их роман был предопределен свыше...

Анна не желала разбивать чужую семью, о чем сообщила Алексею не мешкая. Доводы о том, что его семья давно уже существует только на бумаге, женщину оставили непреклонной. Алексей поспешил переговорить с женой. То, что началось после этой беседы, напоминало извержение вулкана. Лариса использовала все мыслимые и немыслимые средства, чтобы вернуть заблудшего супруга в лоно семьи: несколько попыток суицида, звонки и жалобы на работу Алексея, давление родителей, разговоры с коварной разлучницей. Все было тщетно. Тогда Лариса, заручившись помощью знакомых врачей, сказала, что тяжело больная. Вместо спортивных клубов и дискотек она сутками лежала теперь на диване, несчастная и умирающая. Со слезами на глазах она просила Алексея не бросать ее, во всяком случае до ее смерти. Принимая очередную выходку жены за чистую монету, одураченный супруг и представить себе не мог, как далеко может зайти женское коварство. Разумеется, ни о каком разводе с умирающей не могло быть и речи. Алексей и Анна, конечно, встречались, но свадьбу решили отложить до лучших времен...

Между тем Анна забеременела. Алексей просто светился от радости. У них не было сомнений в том, что когда-нибудь они все равно будут счастливы. Шли месяцы. Живот Анны становился все круглее, а Алексей – нетерпеливее. Они придумали имя малышу, купили приданое. За три месяца до родов произошло несчастье...

Анна переходила дорогу возле женской консультации. Иномарка серебристого цвета появилась внезапно. Сбив женщину, водитель на большой скорости скрылся. Очевидцы происшествия оказались на редкость бестолковы. Их показания разнились между собой, и цельную картину произошедшего составить было просто невозможно. Номер машины был залеплен грязью так основательно, что никто не сумел его прочесть. Не было ясности и в вопросе о том, какой марки была машина. Сошлись на том, что в России таких автомобилей не выпускают. На «Волгу» она была не похожа, на «Жигули» тем более.

Анна погибла на месте. Алексей оплакивал смерть ее и еще не рожденного малютки. Он едва выжил тогда, едва не наложил на себя руки. Жизнь для него потеряла всякий смысл.

Лариса после ужасного происшествия начала поправляться на удивление быстро. Казалось, смерть соперницы вдохнула в нее новые, живительные силы. Если бы не случайность, Алексей так бы и оставался в неведении...

Навещая в выходной день родителей жены, Алексей зачем-то зашел в гараж тестя. Помещение было просторным: «Запорожец», два неказистых велосипеда, куча старых автомобильных покрышек, а на почетном месте – серебристый «Опель» жены. Скорее повинуясь какому-то необъяснимому предчувствию, чем логике, Алексей осмотрел автомобиль. Так и есть! Правое крыло было смято. Смутная догадка шевельнулась в душе. Он залез в салон. В бардачке лежали любимые сигареты Ларисы, ее перчатки, губная помада. Сомнений оставалось все меньше: в последний раз автомобиль вела жена. Но ведь она никуда не выходила в течение как минимум полугода? Внутренний голос насмешливо твердил: «Ну да, конечно! Не выходила в твоём присутствии. Но без тебя? Знаешь ли ты, что она делала тогда, когда оставалась одна?» А ведь она бывала одна довольно-таки часто. Алексей вдруг припомнил все: хитрые уловки жены и ее способность ко лжи, желание вернуть его во что бы то ни стало, внезапное выздоровление, а еще... показания очевидцев. Машина преступника была серебристой. Номер был заляпан грязью. Но откуда ей было взяться? Ведь тогда была зима!

Алексей вздрогнул. Похоже, никто не потрудился отмыть автомобиль. Номера в самом деле проступали нечетко. На глаза опустилась пелена...

Он не помнил, как пришел домой. Он не помнил, что говорил жене. Кажется, он ее несколько раз ударил. У них гостила подруга Ларисы. Она прибежала на крик. Соседи вызвали милицию...

– Она отделалась ушибами, – усмехнулся Климов. – Убедившись, что я знаю все, она поспешила забрать заявление. Дело было прекращено. Вообще она стала даже покладистой. Во всяком случае, на развод согласилась без всяких уговоров.

Он замолчал. Елизавета, потрясенная услышанным, тоже молчала.

– Жизнь довольно жестокая штука, – сказал он наконец. – Догадываетесь, в чем ирония моей судьбы?

Дубровская покачала головой. Климов продолжил:

– Мою жизнь спасти можно. *У меня есть твердое алиби. Первые два эпизода моего обвинения могут быть легко опровергнуты моей бывшей женой.* Я только не могу решить для себя, нужно ли мне это?

Они долго молчали.

Елизавета подошла к окну, которое, как часто бывает в следственных изоляторах, выходило не на улицу и даже не на тюремный двор, а на глухую стену. Но ей было не до пейзажей. Рассказ Климова тронул ее настолько, что непрошенные слезы уже были готовы побежать по щекам.

Дубровская, несмотря на кажущуюся романтичность, была девушкой неглупой и трезвой в суждениях. Короткая адвокатская карьера научила ее настороженно относиться к душевным излияниям ее подопечных. Тюремная лирика и прочие образцы подневольного творчества вызывали у нее снисходительную усмешку. Как-то уж так получалось, что мате-

рые уголовники лишь за решеткой вспоминали, что у них на свободе есть старенькая мать и брошенные дети. Они давили на психику слезливыми письмами и такими песнями, что у людей непосвященных только дух захватывало. Девушки по переписке, так называемые «заочницы», сходили с ума от поэтического слога и глубоких чувств своих несчастных возлюбленных, волею злой судьбы оказавшихся в камере. Оставалось удивляться, как быстро испарялась тюремная романтика после возвращения «невинно осужденных» на свободу...

А вот теперь сама Дубровская прятала глаза, чтобы скрыть от своего клиента слезы. Ей не хотелось выглядеть перед ним этакой меланхоличной дурочкой, у которой глаза на мокром месте. Она – адвокат, и у нее есть другие способы помочь ему, нежели размазывать сопли и лепетать несвязные соболезнования. Она сделает все, что от нее зависит, пусть для этого придется похоронить зловредного Вострецова в кипе жалоб и ходатайств.

Но найти в себе силы повернуться и взглянуть в глаза Климову было почти невозможно. Она видела его отражение в оконном стекле. Он опустил голову и сгорбился, как немощный старик. Исповедь далась ему нелегко.

– Почему вы не заявили на нее в милицию? – голос Дубровской звучал глухо.

– Зачем?

– Ее бы привлекли к ответственности за убийство, осудили. Она бы получила по заслугам, в конце концов!

– Вы полагаете, это бы воскресило Анну и нашего малыша?

– Нет, конечно! Но должна же быть какая-то справедливость.

– Мертвых не вернуть, а справедливость, о которой вы говорите, не имеет смысла. В этот день Лариса убила и меня тоже. Теперь я не живу, теперь я доживаю.

Он наконец поднял голову. Елизавета кожей чувствовала его взгляд. Она обернулась. Его глаза были сухими, но странно безжизненными. Она и впрямь говорила с мертвецом.

– ...Я хотел уйти из жизни, – признался он. – Даже пытался это сделать, но неудачно. Присоединиться к моей невенчанной жене и моему нерожденному ребенку – это все, что я хотел. Но я не желаю покидать этот мир как серийный убийца. Я ни в чем не виноват. Снимите с меня это пятно, Елизавета Германовна. Клянусь, на мне нет крови.

– Я постараюсь вам помочь, но обещать что-либо не могу, – тихо произнесла Дубровская.

– Спасибо и на этом, – печально улыбнулся Климов.

Лиза ненавидела себя. Каково чувствовать себя такой беспомощной! Ей страшно хотелось утешить Климова, сказать что-нибудь ободряющее. Например, то, что они обязательно докажут его невиновность или же что будущее воздаст ему сторицей за все перенесенные им страдания. Но она молчала.

«Ни в чем нельзя быть уверенной заранее. Жизнь бывает чертовски несправедлива. Пока я знаю лишь одно: обвинительный приговор Климову – это приговор моей адвокатской карьере. Пусть меня никто не осудит, но такое бремя не для моих плеч».

Лиза и Андрей условились о новой встрече по телефону.

– Я буду ждать тебя во дворе, – предложил он.

– Не проще ли будет, если ты зайдешь ко мне домой?

– Благодарю покорно! Но я просто обожаю свежий воздух...

Лиза, разумеется, все поняла. Он не хотел встречаться с ее матерью. На его просьбы позвать к телефону Лизу старшая Дубровская реагировала так, будто он отрывает дочь от очень важных дел.

– Право, я не знаю, – вздыхала она. – Лизонька трудится над диссертацией. Вам, конечно, не понять, но научная работа требует полной самоотдачи и сосредоточенности. Правда, в последнее время покой нам только снится...

В этот момент Лиза, чья начатая диссертация пылилась где-то в дальнем ящике стола, отбирала у матери трубку и пыталась шутками сгладить неловкость. Но Андрея было трудно обмануть.

Вот и сегодня, сбегая вниз навстречу другу, девушка продумывала, как верно выстроить стратегию взаимоотношений с матерью так, чтобы и не обидеть чрезвычайно ранимую Веронику Алексеевну, и обеспечить себе полную свободу действий.

Андрей ее уже ждал под раскидистым тополем. Одет он был, как всегда, без особых изысков: рубашка с короткими рукавами и неизменные джинсы. Никаких цепей на шее, дорогих часов и золотых браслетов. Правда, сильные мускулистые руки, аккуратная прическа и белозубая улыбка без всяких иных аксессуаров делали его привлекательным для женского пола, но на вкус Елизаветы, привыкшей к пестрому окружению «золотой молодежи», ему не доставало шика. «Мои родители живут в деревне, – как-то сказал он. – Возможно, я тебя с ними познакомлю. Они удивительные люди». После подобного заявления Вероника Алексеевна ушла принимать сердечные капли, видимо, представив свою дочь в обществе крестьян и на фоне коровника.

– У тебя есть автомобиль? – удивился Андрей, заметив в руках девушки ключи.

– Есть, – засмеялась Лиза. – И сегодня вечером я тебе продемонстрирую свои водительские способности. Надеюсь, ты не против?

– Ничего не имею против женщин за рулем. Знаешь, я всегда хотел приобрести машину и думаю, что в скором времени смогу себе это позволить...

Он с таким восхищением рассматривал Лизино «железного коня», что девушке стало неловко. Конечно, у парня не было солидного родителя, способного купить ему все, что душе угодно. А Лиза уже не понаслышке знала, как нелегко рассчитывать только на собственные возможности...

Впрочем, показать Андрею свои автомобильные таланты девушка не успела. Раздался визг тормозов, и, чуть не задев зазевавшуюся пару, перламутровый «Рено» занял место прямо перед машиной Елизаветы.

Дверца открылась, и босоножки на двенадцатисантиметровом каблуке коснулись асфальта. Эффектная девица, грациозно поправив роскошную лавину золотистых волос, вызывающе покачивая бедрами, направилась к подъезду. До неприличия обтянутая попа, с анатомической четкостью выступающая сквозь тонкую ткань того, что, по всей видимости, называлось юбкой, позволяла видеть весь процесс движения в деталях. На девушке, как на экспонате, можно было изучать работу ягодичных мышц.

Андрей, как любой представитель класса самцов, адекватно среагировал на раздражитель. Челюсть его подалась вниз, а дыхание стало поверхностным. Елизавета, возмущенная до глубины души безобразной картиной, постаралась взять себя в руки. Не хватало еще, чтобы ее друг заподозрил у нее какие-нибудь комплексы. Но для начала нужно было поставить на место нахалку.

– Марина! – окликнула она девицу, придав своему голосу грозную решимость. – Нельзя ли ставить свою машину куда-нибудь в другое место? Двор почти пустой!

Красотка не остановила свой победный демарш. Она поправила солнечные очки и, выдув из жвачки огромный розовый пузырь, громко хлопнула им.

– Учись водить машину, Дубровская, – развязным тоном заявила она соседке. – А если не можешь, попроси своего приятеля. Здесь выехать сможет даже ребенок.

Если говорить честно, кое в чем она была права. Стоило включить заднюю передачу и проделать несколько замысловатых маневров, и тогда путь автомобилю был бы свободен. Но Лиза не слишком владела этими премудростями, и поэтому ее откровенно злила необходимость пыжиться, стараясь никого не задеть, на тесной парковке.

– Нет, ты видел? – возмутилась она, призывая в свидетели Андрея. – И это не первый раз...

– Не беспокойся, – с улыбкой произнес он. – Ты позволишь?

Он взял из рук Елизаветы ключи, сел в машину, и через несколько секунд «Пежо» уже стоял на дороге. От девушки не укрылось, как послушно ее железный любимец выполнял команды незнакомого водителя.

– Ну надо же, – выдохнула она. – А я не знала, что ты водишь машину. Да еще так хорошо...

– Дорогая, машину умеет водить любой уважающий себя мужчина.

Они выехали со двора. Елизавета, немного раздосадованная недавним происшествием, молчала. Андрей уверенно вел автомобиль.

– Экзотическая девица, – усмехнулся он.

– Ничего особенного, – заявила Елизавета и тут же прикусила язык. Не стоит показывать Андрею, что его внимание к сексапильной соседке было для нее неприятно. Так ведь недолго и подогреть интерес к этой вертушке. Но женское естество все-таки взяло верх: – Между прочим, она работает стриптизершей в одном из ночных клубов.

К великому сожалению, выданный ею компромат на распущенную девицу не вызвал отвращения у молодого человека. Он понимающе хмыкнул.

– Не слишком достойное занятие для молодой красивой девушки, но что поделаешь? Мы ведь не из полиции нравов и не какие-нибудь там Чулочники...

– Ты знаешь о Чулочнике? – удивилась Лиза.

– А кто о нем не знает? Смотрю телевизор, в том числе и криминальную сводку. Жуткий тип, правда? Я слышал, что его наконец арестовали.

– Не совсем, – заметила Лиза.

– Что ты хочешь сказать?

– Понимаешь, я являюсь адвокатом Чулочника. Вернее, не его...

Андрей во все глаза смотрел на Лизу.

– Ты?!

– Да, я. А что здесь такого?

– Но, Лиза, это же серийный убийца.

– А-а, ты про это... Если ты имеешь в виду моральную сторону вопроса, то...

– Да бог с ней, с моралью! Лиза, ведь это может быть опасно! Ему терять нечего, вдруг он нападет на тебя. Ведь были же подобные случаи.

– Нападет? Это навряд ли. Знаешь, чем больше я работаю по этому делу, тем все больше убеждаюсь в том, что арестовали невиновного.

– Ты шутишь? Я смотрел телевизионный репортаж. Все улики указывают на него. Ты в плену заблуждений!

Девушка печально посмотрела на него.

– В том-то и дело, что нет. Я не могу ошибаться. *Настоящий Чулочник на свободе!*

Она начала рассказывать историю Климова. К ее великому удивлению, семейная драма ее подзащитного была воспринята Андреем очень спокойно.

– Лиза, будь внимательна. Это, должно быть, опасный человек. Мало ли какие истории он вешает тебе на уши.

– Ты считаешь меня легковверной вороной? – Дубровскую это слегка задело. – Нет ничего проще. Все это легко проверяется. Вот увидишь, даже если я не смогу доказать его невиновность на следствии, я разгромлю обвинение в суде. Да присяжные будут плакать!

– Ладно, ладно, не кипятись. Я вовсе не хотел тебя обидеть. Думаешь, приятно сознавать, что девушка, которая мне небезразлична, проводит время с каким-то маньяком?

Лиза уже остыла. Такая формулировка проблемы навила ей куда больше.

Вечер пролетел незаметно. Они гуляли по набережной, катались на лодке. Андрей веселил ее замечательными историями из жизни своих знакомых. О себе говорил скупой: любит работу, но не хочет загружать девушку ненужными и неинтересными подробностями о скромной жизни рядового программиста. В гости позвать ее не решается. Он снимает скромную квартиру вместе с другом. Родителей рядом нет. Они в деревне.

«Его зовут мистер Инкогнито», – усмехнулась Лиза.

«Будь осторожна, дорогая, так недолго и влюбиться», – шептал ей внутренний голос. Но ей почему-то совсем не хотелось прислушиваться к его совету...

Квартиру бывшей жены Климова Елизавета нашла без особого труда. Дверь ей открыла высокая молодая женщина в спортивном костюме. Как и говорил Алексей, его бывшая жена была весьма привлекательна. Пожалуй, ее можно было бы даже назвать красивой, если бы не выражение какой-то хищности, обесценивающее тонкие черты ее лица. Темные выразительные глаза с чуть заметной косинкой, иссиня-черные волосы делали ее похожей на дьяволицу. В ее внешности не было ничего мягкого, нежного. Воплощение порока, вот как можно было бы охарактеризовать внешний облик этой особы.

– Адвокат Алексея? – удивилась она, и ее брови, как крылья черной птицы, взметнулись к вискам. – Я догадываюсь, зачем вы пришли. За деньгами! От меня вы не получите и сотни...

Дубровская почувствовала запах алкоголя. Это ее удивило, ведь на часах еще не было и одиннадцати утра.

Узнав, что неожиданная гостья вовсе не нуждается в деньгах, Лариса сменила гнев на милость и позволила Елизавете войти.

Обстановка жилища молодой женщины вряд ли могла считаться респектабельной. Просторная комната напоминала скорее зал торгового павильона, где выставляются образцы мебели на любой вкус и кошелек. Рядом с мягким уголком вполне современной конструкции расположились ветхие книжные шкафы, заполненные всякой всячиной: старыми журналами, хрустальными бокалами, аляповатым столовым сервизом. Посередине стоял стол, покрытый несвежей скатертью, а вокруг – несколько колченогих стульев. Судя по всему, поддержание образцового порядка не являлось страстным увлечением хозяйки. На полках лежал толстый слой пыли; хрусталь и оконные стекла выглядели уныло из-за мутного налета; пепельницы были полны окурков. Радовала взгляд разве что початая бутылка «Реми Мартэн», к которой Лариса прикладывалась время от времени. Лимон, нарезанный толстыми неаккуратными дольками, составлял, по-видимому, закуску.

– Зачем пожаловали? – осведомилась Лариса, наполняя бокал.

– Алексею нужна ваша помощь, – просто и бесхитростно сообщила Елизавета. – Скажите, вам известно, в чем его обвиняют?

– Конечно. В том, что он – сексуальный маньяк. Боже правый, вот потеха!

– Значит, вы не верите, что он виновен?

– Нет, конечно. Если вы думаете, что он – Джек Потрошитель, то не тратьте зря времени! – Лариса пьяно рассмеялась.

Елизавета поняла, что, если она хочет добиться от бывшей женушки Климова хоть какого-нибудь результата, нужно приступать к делу немедленно. Не ровен час, дама упадет лицом в тарелку с остатками лимона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.